

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№3 (8) 2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление

№ 3 Том 8 2021

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Проблема выбора эквивалента в процессе переводческой деятельности (на материале английских и русских паремий на тему счастья)**
Рудакова С.В., Дудля О.А.4-13

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

- Статьи Достоевского о Некрасове как развитие темы поэтического бессмертия**
Нилова А.Ю., Нилова М.А...... 14-18
- Издательская деятельность Ф.М. Достоевского: деловые книги А.Г. Достоевской как источник**
Панюкова Т.В...... 19-30
- Близость и разногласия мировоззренческих основ творчества Ф.М. Достоевского и европейского экзистенциализма**
Шилин А.Ю., Трифонова А.Ю.31-37

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

- Проблема массовизации антиутопии как жанра искусства в условиях общества риска**
Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л......38-45
- Проблемы интерференции при переводе глаголов прошедшего времени в художественных текстах Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова на итальянский язык**
Асташина М.С......46-53
- Концепты «estándar», «norma» и «variedad» как отражение языковой вариативности в испанском ареале**
Мурашкина О.В.54-60
- Н.А. Некрасов и литература коренных малочисленных народов России (перевод поэмы «Княгиня Трубецкая» на якутский язык)**
Гаврильева Н.Г.61-67

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

- Акцентировка современного звучания поэзии Н.А.Некрасова в процессе самостоятельной работы старшеклассников**
Выдрина Н.А.68-74

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- Первое комплексное исследование танатологического дискурса русской словесности**
Сукина Л.Б.75-80

Context
№ 3 Volume 8 2021

GENERAL AND COMPARATIVE-HISTORICAL LINGUISTICS

The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation Process (on the Material of English and Russian Proverbs on the Topic of Happiness)

Svetlana V. Rudakova, Olesya A. Dudlya4-13

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Dostoevsky's Articles about Nekrasov as a Development of the Theme of the Poetic Immortality

Anna Yu. Nilova, Maria A. Nilova 14-18

Publishing Activity of F.M. Dostoevsky: Business Books of A.G. Dostoevskaya as a Source

Tatiana V. Panyukova 19-30

The Closeness and Disagreements of the Ideological Foundations of F.M. Dostoevsky and European Existentialism

Artem Yu. Shilin, Anastasiia Yu. Trifonova31-37

**INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF GLOBALIZATION:
PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS**

The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of Art in the Risk Society

Svetlana A. Simonova, Nikolay A. Garshin, Veronika L. Alikhanova.....38-45

Problems of Interference when Translating Past Tense Verbs in Literary Texts by F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov into Italian

Maria S. Astashina46-53

The Concepts "Estándar", "Norma" and "Variedad" as a Reflection of Linguistic Variability in the Spanish Area

Olga V. Murashkina54-60

N.A. Nekrasov and the Literature of the Small Indigenous Peoples of Russia (Translation of the Poem "Knyaginya Trubetskaya" into the Yakut Language)

Nadezhda G. Gavrileva61-67

**LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES**

Accentuation of the Modern Sound of N.A. Nekrasov's Poetry in the Process of Independent Work of High School Students

Elena V. Robustova, Nadezhda M. Liukina68-74

CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE

The First Comprehensive Study of the Thanatological Discourse of Russian Literature

Liudmila B. Sukina 75-80

Проблема выбора эквивалента в процессе переводческой деятельности (на материале английских и русских паремий на тему счастья)

Рудакова С.В.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>, e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Дудля О.А.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-7658-6093](https://orcid.org/0000-0001-7658-6093), e-mail: o.dudlia2015@yandex.ru

В основе работы – размышления о специфике такой единицы лингвокультурного и когнитивного порядка, как паремия. Выделена одна группа пословиц, посвященных вопросам счастья, что обусловлено возросшим интересом мирового сообщества, как научного, так и экономического, к проблемам счастья. Анализируя трудности, с которыми сталкиваются переводчики при переводе паремии, авторы работы основное внимание сосредотачивают на рассмотрении вопроса о сложности поиска наиболее подходящего эквивалента переводимой фразеологической единицы в том языке, на который осуществляется перевод. Статья посвящена анализу способов, которые используют переводчики в поиске эквивалентов при переводе английских пословиц и поговорок (в частности, посвященных счастью) на русский язык. В работе представлена классификация паремий с точки зрения того, каким образом к ним подбираются эквиваленты.

Ключевые слова: пословицы и поговорки; перевод; русский и английский языки; межкультурная коммуникация; эквивалент.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-512-23007.

Для цитаты: Рудакова С.В., Дудля О.А. Проблема выбора эквивалента в процессе переводческой деятельности (на материале английских и русских паремий на тему счастья) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080301

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation Process (on the Material of English and Russian Proverbs on the Topic of Happiness)

Svetlana V. Rudakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-8378-061X, e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Olesya A. Dudlya

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-7658-6093, e-mail: o.dudlia2015@yandex.ru

The article is based on reflections on the specificity of such a unit of linguocultural and cognitive order as paremia. One group of proverbs dedicated to happiness is identified, which is due to the increased interest of the world community, both scientific and economic, in the problems of happiness. Analysing the difficulties encountered by translators in translating the proverbs, the authors of the article focus the attention on the difficulty of finding the most suitable equivalent of the translated phraseological unit in the target language. The article is devoted to the analysis of the methods used by translators in their search for equivalents when translating English proverbs and sayings (particularly, about happiness) into Russian. The paper presents the classification of proverbs in terms of how equivalents are selected for them.

Keywords: proverbs and sayings, translation, Russian and English, intercultural communication, equivalent.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-512-23007

For citation: Rudakova S.V., Dudlya O.A. The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation Process (on the Material of English and Russian Proverbs on the Topic of Happiness). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080301 (In Russ.).

Духовный культурный опыт народа в концентрированном виде запечатлевается в пословицах и поговорках (особой группе паремий), в них фиксируются и передаются из поколения в поколение определенные нравственные нормы, культурные установки, стереотипы, этикетные формулы, архетипические образы, эталонные представления о различных сферах жизни и т. д. Пословицы являются «единицами лингвокультурного и когнитивного порядка, отражающими национальный менталитет и выражающими национальный опыт» [2, с. 313]. Неслучайно, размышляя об особенностях этого фольклорного жанра, В. Н. Телия сравнил его с зеркалом, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [27, с. 9] Поэтому можно утверждать, что значимую часть любой национальной языковой картины мира формируют именно паремии. По выражению Ф. Н. Буслаева, изучавшего библейские пословицы и

поговорки, эти высказывания содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [4, с. 37]. Пословицы выражают некое обобщенное представление о жизни, человеке, отражая систему устоявшихся в культуре народа норм поведения.

Одна из определяющих жизнь современного общества тенденций – глобализация, проявляется она в том числе в тесном взаимодействии представителей разных стран на различных уровнях – в сфере культуры, быта, бизнеса, экономики, науки и т. д. А потому потребность в знании другого языка или в возможности использовать хороший перевод возрастает. На переводчике лежит высокая ответственность: он должен быть медиатором между представителями разных культур [3], [8], сближать, а не разделять их. Потому количество лингвистических работ, в которых рассматриваются сложные вопросы теории и практики перевода, только растет [5], [10], [28], [33]. Сфера, вызывающая наибольшие трудности при переводе, – паремии [13], [14], [15], [16], [17].

Одна из важных тематических групп паремий – те, что посвящены счастью. Счастье всегда как явление человеческой жизни всегда привлекало к себе внимание поэтов и мыслителей, к вопросу счастья обращались и в античности, и в эпоху Просвещения, и в период романтизма... Однако в наше время значимость этого вопроса максимально возросла. Доказать это можно не только появлением многочисленных публикаций, посвященных рассмотрению явления счастья в литературе [21], [22], [29], в лингвистике [6], [22], [24], [34], [35], в философии [12], [25], в психологии [1], но и в социологии [30], [31], в бизнес-сообществах [32], анализу счастья как сложного многоаспектного явления [23], [26] проведением конференций, на которых обсуждаются фундаментальные проблемы, связанные с этим феноменом (так, например, 17-21 декабря 2020 в Нижнем Новгороде состоялась международная конференция «Фундаментальные исследования феномена счастья в междисциплинарном ракурсе» 2020), но и фактом создания Всемирных индексов счастья [7], а также тем, что счастье рассматривается как важнейший показатель в развитии государства, общества, не менее важный, чем, например, валовой продукт. На основе этого показателя в XXI веке составляются даже рейтинги государств.

Потому так важно правильно понять суть представлений о счастье в одной национальной языковой системе и найти адекватные средства для перевода их в иную языковую систему.

При знакомстве с текстом в оригинале человек, сформированный под влиянием определенной языковой картины мира, способен понять и в достаточной мере осознать то, что хотел сказать его собеседник, используя ту или иную пословицу. Однако при переводе смысл сказанного может исказиться. Очевидной и достаточно частой причиной такого языкового несоответствия при переводе паремий выступает отсутствие точного эквивалента для выражения того или иного понятия или даже отсутствие самого понятия [8, с. 161–163]. Именно поэтому одна из важных задач переводчика – найти наиболее подходящий эквивалент фразеологической единицы в том языке, на который осуществляется перевод.

Сложность перевода пословиц о счастье начинается уже с ключевого слова – «счастье», традиционно переводчиками на английском языке оно воспроизводится как «*happiness*». Однако слово это не идентично русскому, размышлениями по этому поводу поделилась, например, в своей работе А. Вежбицкая [35].

В «Сборнике английских пословиц и поговорок» («English proverbs and saying») [16] С. Ф. Кусковская представила более 1000 английских паремий, которые она разделила по

тематико-ситуационному принципу и предложила им несколько русских эквивалентов. Основой для поисков эквивалентов могут стать словари В. И. Даля (его «Пословицы русского народа», многократно переизданные с 1862 г.) [9], В. М. Мокиенко – «Школьный словарь живых русских пословиц» [20], подготовленный совместно с Е. Е. Ивановым «Русско-белорусский паремиологический словарь» [11], созданный совместно с Т. Г. Никитиной «Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений» [19], созданный совместно Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой «Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц» [18].

В современной лексикографии существует несколько классификаций паремий, в том числе английского языка, которые сформировались в результате сопоставлений паремиологических единиц «в направлении “от содержания к форме”» [11, с. 4]. Е. Е. Иванов и В. М. Мокиенко выделяют 9 таких позиций (когда паремии совпадают полностью, частично или не совпадают по семантике, совпадают полностью, частично или не совпадают по лексико-грамматической структуре) [11, с. 4], но классификации паремий в зависимости от того, как к ним подбирается эквивалент из русского языка [15, с. 229]:

- пословицы и поговорки, переводящиеся на русский язык идентично, так же, как и звучат в английском;
- пословицы и поговорки, переводящиеся на русский язык частично одинаково, имеющие некоторые отличия;
- пословицы и поговорки, русский перевод которых кардинально отличается от английского варианта, однако смысл сохраняется.

К первой категории относятся те примеры паремий, которые специалисты определяют, как «лёгкий» перевод, подобрать к ним эквивалент не составляет особого труда. Их существует не так уж и много – около 15%. *Happiness takes no account of time* – счастливые часов не наблюдают [16, с. 117]. Крылатое выражение из комедии А. С. Грибоедова служит ярким примером того, как известное уже во всех странах высказывание одинаково понимается носителями самых разных языков.

Ко второй категории относятся пословицы и поговорки, в которых отличается основной элемент, выделяющий образное высказывание, а смысл остается тем же. Такие паремии встречаются чаще, чем предыдущая категория – их около 55%. *Better be born lucky than rich* – лучше родиться удачливым, чем богатым (дословный перевод) [16, с. 129]. В словаре В. И. Даля мы можем найти эквиваленты, которые будут более привычны для русскоязычной аудитории: *не родись красивый, а родись счастливый; не родись ни умён, ни красив, а родись счастлив* [9, с. 49].

К третьей категории причисляют пословицы и поговорки, русский перевод которых существенно отличается от английского оригинала, однако смысл и поучительная составляющая полностью сохраняются. Таких примеров насчитывается около 30%. В этом случае, бесспорно, важен профессионализм переводчика, на плечи которого возлагается ответственность за нахождение правильного эквивалента. К примеру, пословице *misfortunes tell us what fortune is* (дословный перевод: несчастья говорят нам о том, что такое счастье) – С. Ф. Кусковская предлагает такой вариант русской пословицы: *не отведав горя, не познаешь счастья* [16, с. 134].

Рассмотрим другие пословицы и поговорки английского языка на тему счастья.

К двум английским пословицам – *no great loss without some small gain* (нет потери без прибыли) и *adversity is a great schoolmaster* (несчастье – великий учитель) – можно подобрать один общий эквивалент: *не было бы счастья, да несчастье помогло* [16, с. 134]. Ключевое противопоставление счастья и несчастья присутствует в каждом из примеров, однако представлено это по-разному (3-я категория).

Argues come on horseback, but go away on foot – Спорщики приезжают на конях, уходят пешком (перевод наш – С. Р., О. Д.). В словаре В. И. Даля можем обнаружить подходящий для этой паремии эквивалент, наиболее привычный для русскоязычного населения: *несчастье на крылах, а счастье на костылях* [9, с. 57]. Антонимичные пары *верхом-пешком* и на *крылах-на костылях* одинаково передают суть изречений, а болезни сопоставляются с несчастьем – меняются лишь образы (2-я категория).

Для паремии *fortune is good to him who knows how to make good use of it* (удача благосклонна к тому, кто умеет ею пользоваться) составитель сборника, С. Ф. Кусковская, предлагает следующий эквивалент: *счастье в воздухе не вьётся, а руками достаётся* [16, с. 136]. Дословный перевод и подобранный эквивалент кардинально отличаются, тем не менее смысл написанного сохраняется (3-я категория).

«Лёгкий» перевод подходит для пословицы *every man is the architect his own fortune* [16, с. 139], для которой в русском языке есть эквивалент *всяк своего счастья кузнец* [9, с. 58]. Архитектор и кузнец выступают здесь синонимичной парой: для англоговорящего человека более очевиден образ архитектора, представителю русской языковой картины мира образ кузнеца привычнее (1-я категория).

Дословный перевод пословицы *he that waits upon fortune is not sure of a dinner* выглядит следующим образом: кто надеется на удачу, не может рассчитывать на обед. Среди всех русскоязычных вариантов паремий С. Ф. Кусковская в качестве эквивалента выбирает *на бога надейся, а сам не плошай* [16, с. 142]. Меняется перевод выражения, а его смысл претерпевает некоторые искажения (3-я категория).

He dance well to whom fortune pipes (дословный перевод: кто хорошо пляшет, тому удача подыгрывает) [16, с. 145]. Наиболее подходящий эквивалент из работы Даля – *кому счастье служит, тот ни о чём не тужит* [9, с. 58]. Не совпадают образы действия – подыгрывает и служит, однако посыл как английской, так и русской пословицы идентичен (2-я категория).

Для двух паремий из английского языка – *every flow must have its ebbs* (есть прилив, и есть отлив) и *no joy without alloy* (не бывает безоблачного счастья) – Кусковская подбирает общий эквивалент: *счастье с несчастьем в одних санях ездят* [16, с. 146]. Дословный перевод английских выражений и русская паремия кардинально отличаются, тем не менее их смысл совпадает, что заставляет нас убедиться в правильности выбранного эквивалента (3-я категория).

Учсть каждую из особенностей языка, на который осуществляется перевод, и правильно подобрать эквивалент, чтобы сделать информацию максимально понятной для носителя иной языковой картины мира, – одна из первоочередных задач переводчика. Успешное её выполнение зависит как от кругозора специалиста, так и от богатства языка, из которого нужно вычлениить наиболее подходящий эквивалент.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. 2003. СПб.: Изд-во «Питер», 271 с.

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

2. Асабина А.А. Перевод фразеологических единиц в художественном тексте // Материалы IV международной молодежной научно-практической конференции «Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха» (г. Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г.). Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2018. С. 313–318.
3. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. 1996. М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 707 с.
4. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые. 1954. М.: Русский язык, 176 с.
5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 2012. М.: Р. Валент, 408 с.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. 2004. М.: ИТДГК «Гнозис», 192 с.
7. Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 05.05.2021).
8. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. 2002. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 352 с.
9. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц / вступит. слово М. Шолохова: В 2 т. Т. 1. 1989. М.: Художественная литература, 449 с.
10. Дмитриева Л.Ф. Английский язык. Курс перевода. 2005. М.: MapT, 304 с.
11. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. 2007. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 248 с.
12. Каушанова О.В. Счастье как философская категория античных философов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 3. С. 308–313. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/schastie-kak-filosofskaya-kategoriya-v-rabotah-antichnyh-filosofov/viewer> (дата обращения: 05.05.2021).
13. Ковшова М.Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 3. С. 67–93. DOI: 10.5922/2225-5346-2017-3-4
14. Колошиц А.Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Идеи. Поиски. Решения» (г. Минск, 25 ноября 2015 г.). Минск: БГУ, 2015. С. 7–13.
15. Корсунова В.И. Особенности перевода пословиц, поговорок и заголовков в английском языке // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. №2. С. 227–233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-poslovits-pogovorok-i-zagolovkov-v-angliyskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 05.05.2021).
16. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок (English Proverbs and Saying) (на англ. яз.). 1987. Минск: Вышэйшая школа, 257 с.
17. Митина И.Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги / English Proverbs and Sayings and their Russian Equivalents. 2017. СПб.: Каро, 336 с.
18. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. 2010. М.: ОЛМА Медиа Групп, 1023 с.
19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
20. Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц. 2002. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 350 с.

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

21. Петров А.В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т.Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48. URL: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/3/37-48.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
22. Рудакова С.В., Дудля О.Ю. Особенности перевода пословиц и поговорок с английского на русский язык (на материале выражений о счастье и удаче) // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем. К 80-летию со дня рождения профессора В.М. Мокиенко. 2020. Гомель: ГГУ, С. 205–209.
23. Рудакова С.В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75. URL: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/3/49-75.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
24. Русякова И.Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 202 с.
25. Сидоренко И.В. Антропология счастья. 2006. М.: МАКС Пресс, 297 с.
26. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. 1981. М.: Прогресс, 368 с.
27. Телия В.Н. Русская фразеология. Русская фразеология: Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. 1996. М.: Языки русской культуры, 284 с.
28. Федоров В.А. Введение в переводоведение. 2010. Воронеж: Изд.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 51 с.
29. Цуркан В.В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 119–127. URL: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/4/119-127.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
30. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада, социологический обзор // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/9/s%D0%BEc%D0%BEI%D0%BEgiy%D0%B0/cheburnykh.pdf (дата обращения: 05.05.2021).
31. Шамсетдинова А.П. Человеческое счастье как социокультурный феномен: дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2008. 140 с.
32. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11
33. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. 1974. М.: Высшая школа, 112 с.
34. Kabanova I.N., Gorokhova A.M., Nozhevnikova E.G., Vaseneva E.V. What is happiness: a cross-cultural research into present-day associations // SHS Web of Conferences. 2021. Т. 122. № 008. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112201008>
35. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective // Daedalus. 2004. № 133(2). P. 34–43. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/20027911.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

References

1. Argajl M. Psihologija schast'ja. 2003. Saint-Petersburg: Publ. «Piter», 271 p. (In Russ.).
2. Asabina A.A. Perevod frazeologicheskikh edinit v khudozhestvennom tekste. Materialy IV mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Mirovaya literatura glazami sovremennoi molodezhi. Tsifrovaya epokha" (g. Magnitogorsk, 18–20 sentyabrya 2018 g.). Magnitogorsk: Publ. Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G.I. Nosova, 2018. pp. 313–318. (In

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

Russ.).

3. Bicilli P.M. Izbrannye trudy po filologii. 1996. Moscow: Specializir. izd.-torgovoe predpriyatie «Nasledie», 707 p. (In Russ.).
4. Buslaev F.I. Russkie poslovicy i pogovorki, sobrannye i ob#jasnjonnye. 1954. Moscow: Russkij jazyk, 176 p. (In Russ.).
5. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. 2012. Moscow: R. Valent, 408 s. (In Russ.).
6. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. 2004. Moscow: ITDGK «Gnozis», 192 p. (In Russ.).
7. Vsemirnyj indeks schast'ja po versii New Economic Foundation [Elektronnyi resurs] Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
8. Grushevickaja T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. Osnovy mezhekul'turnoj kommunikacii: uchebnik dlja vuzov. 2002. Moscow: JuNITI – DANA, 352 p. (In Russ.).
9. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda: sbornik poslovic / vstupit. slovo M. Sholohova: in 2 v. Vol. 1. 1989. Moscow: Hudozhestvennaja literature, 449 p. (In Russ.).
10. Dmitrieva L.F. Anglijskij jazyk. Kurs perevoda. 2005. Moscow: MarT, 304 p. (In Russ.).
11. Ivanov E.E., Mokienko V.M. Russko-beloruskij paremiologičeskij slovar'. 2007. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 248 p. (In Russ.).
12. Kashtanova O.V. Schast'e kak filosofskaja kategorija antichnyh filosofov. *Vestnik Kazanskogo tehnologičeskogo universiteta*, 2014. Vol. 17, no 3, pp. 308–313. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/schastie-kak-filosofskaya-kategoriya-v-rabotah-antichnyh-filosofov/viewer> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
13. Kovshova M.L. K voprosu o kul'turnoj referencii poslovic (na materiale russkih poslovic s obrazami odezhdy). *Slovo.ru: baltijskij accent*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 67–93. DOI: 10.5922/2225-5346-2017-3-4 (In Russ.).
14. Koloshits A.G. Sposoby perevoda paremiologičeskikh edinits na russkij jazyk (na materiale russkoi khudozhestvennoj prozy). *Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-praktičeskoj konferencii "Idei. Poiski. Resheniya"* (g. Minsk, 25 noyabrya 2015 g.). 2015. Minsk: BGU, pp. 7–13. (In Russ.).
15. Korsunova V.I. Osobennosti perevoda poslovic, pogovorok i zagolovkov v anglijskom jazyke, *Jelektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-jekonomičeskogo instituta*, 2016, no. 2, pp. 227–233. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-poslovits-pogovorok-i-zagolovkov-v-anglijskom-yazyke/viewer> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
16. Kuskovskaja S.F. Sbornik anglijskih poslovic i pogovorok (English Proverbs and Saying) (na angl. jaz.). 1987. Minsk: Vyshnejshaja shkola, 257 p. (In Russ.).
17. Mitina I.E. Anglijskie poslovicy i pogovorki i ih russkie analogi / English Proverbs and Sayings and their Russian Equivalents. 2017. Saint-Petersburg: Karo, 336 p. (In Russ.).
18. Mokienko V.M. Bol'shoj slovar' russkih poslovic: okolo 70000 poslovic. 2010. Moscow: OLMA Media Grupp, 1023 s. (In Russ.).
19. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok: bolee 40 000 obraznyh vyrazhenij. 2007. Moscow: OLMA Media Grupp, 785 p. (In Russ.).
20. Mokienko V.M. Shkol'nyj slovar' zhivyh russkih poslovic. 2002. Saint-Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press, 350 p. (In Russ.).
21. Petrov A.V. Fenomenologija «russkogo schast'ja» v trudah T.E. Abramzon i magnitogorskoj filologičeskoj shkoly po izucheniju russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of "russian

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

- happiness" in the works of T. E. Abramzon and magnitogorsk philological school of studying russian poetry of the 18th-19th centuries]. *Libri Magistri*, 2020, no. 3 (13), pp. 37–48. Available at: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/3/37-48.pdf> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
22. Rudakova S.V., Dudlja O.Ju. Osobennosti perevoda poslovic i pogovorok s anglijskogo na russkij jazyk (na materiale vyrazhenij o schast'e i udache). *Slavjanskaja frazeologija i paremiologija: tradicionnye i novatorskie reshenija problem. K 80-letiju so dnja rozhdenija professora V.M. Mokienco*. 2020. Gomel': GGU, pp. 205–209. (In Russ.).
23. Rudakova S.V., Regeci I. K voprosu izuchenija fenomena schast'ja [The phenomenon of happiness in Leo Tolstoy's epic novel War and Peace]. *Libri Magistri*, 2020, no. 3 (13), pp. 49–75. Available at: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/3/49-75.pdf> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
24. Rusakova I.B. Koncepty «schast'e» – «neschast'e» v lingvokul'turnom sodержanii russkih poslovic: dis. kand. filol. nauk. Moscow, 2017. 202 p. (In Russ.).
25. Sidorenko I.V. Antropologija schast'ja. 2006. Moscow: MAKS Press, 297 p. (In Russ.).
26. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka. 1981. Moscow: Progress, 368 p. (In Russ.).
27. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Russkaja frazeologija: Semanticheskij pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. 1996. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 284 p. (In Russ.).
28. Fedorov V.A. Vvedenie v perevodovedenie. 2010. Voronezh: Izd.-poligr. centr Voronezh. gos. un-ta, 51 p. (In Russ.).
29. Tsurkan V.V. Mif o schast'e v russkoj literature 1930-h gg. [Russian literature of 1930s: the myth about happiness]. *Libri Magistri*, 2020, no. 4 (14), pp. 119–127. Available at: <http://lm.magtu.ru/doc/2020/4/119-127.pdf> (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
30. Chepurnyh M.N. Indeksy schast'ja: opyt Zapada, sociologicheskij obzor. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, 2012, no. 9, pp. 67–69. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/9/s%D0%BEci%D0%BEI%D0%BEgy%D0%B0/chepurnykh.pdf (Accessed 05.05.2021). (In Russ.).
31. Shamsedinova A.P. Chelovecheskoe schast'e kak sociokul'turnyj fenomen: diss. kand. filol. nauk. Ufa, 2008, 140 p. (In Russ.).
32. Shmatova Ju.E., Morev M.V. Izmerenie urovnja schast'ja: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2015, no. 3 (39), pp. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11 (In Russ.).
33. Shherba L.V. Prepodavanie inostrannyh jazykov v srednej shkole. Obshhie voprosy metodiki. 1974. Moscow: Vysshaja shkola, 112 p. (In Russ.).
34. Kabanova I.N., Gorokhova A.M., Nozhevnikova E.G., Vaseneva E.V. What is happiness: a cross-cultural research into present-day associations. *SHS Web of Conferences*, 2021. Vol. 122, no. 008. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112201008>
35. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective. *Daedalus*, 2004, № 133(2), pp. 34–43. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/20027911.pdf> (Accessed 05.05.2021).

Информация об авторах

Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация,

Рудакова С.В., Дудля О.А.
Проблема выбора эквивалента в процессе
переводческой деятельности (на материале
английских и русских паремий на тему счастья)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 4–13.

Rudakova S.V., Dudlya O.A.
The Problem of Selecting an Equivalent in the Translation
Process (on the Material of English and Russian Proverbs
on the Topic of Happiness)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

ORCID: <https://0000-0001-8378-061X>, e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Дудля Олеся Андреевна, студент, направление «Филология», Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-6093>, e-mail: o.dudlia2015@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana V. Rudakova, Doctor in Philology, Head of Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://0000-0001-8378-061X>, e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Olesya A. Dudlya, Russia, student, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-6093>, e-mail: o.dudlia2015@yandex.ru

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021

Статьи Достоевского о Некрасове как развитие темы поэтического бессмертия

Нилова А.Ю.

Петрозаводский государственный университет (ФГБОУ ВО ПетрГУ), г. Петрозаводск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4230-5972>, e-mail: annnilova@yandex.ru

Нилова М.А.

Петрозаводский государственный университет (ФГБОУ ВО ПетрГУ), г. Петрозаводск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5361-3730>, e-mail: maria_nillova@mail.ru

Статья описывает один из аспектов темы «Достоевский и античность» – развитие темы поэтического бессмертия. Материалом исследования является цикл статей, посвященных Некрасову, из «Дневника писателя» за 1877 г. В статье делается вывод о том, что Достоевский учитывает опыт развития темы поэтического бессмертия, наиболее четко оформленной в стихах Горация, в русской поэзии. По мнению писателя, обоснованием права Некрасова на бессмертие его имени является народность его творчества.

Ключевые слова: Достоевский, Некрасов, тема поэтического памятника, «Дневник писателя»

Для цитаты: Нилова А. Ю., Нилова М. А. Статьи Достоевского о Некрасове как развитие темы поэтического бессмертия [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 14–18. DOI:10.17759/langt.2021080302

Dostoevsky's Articles about Nekrasov as a Development of the Theme of the Poetic Immortality

Anna Yu. Nilova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4230-5972>, e-mail: annnilova@yandex.ru

Maria A. Nilova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5361-3730>, e-mail: maria_nillova@mail.ru

The article describes one of the aspects of the theme "Dostoevsky and Antiquity" – the development of the theme of poetic immortality. The research material is a series of articles devoted to Nekrasov from the "Diary of a Writer" for 1877. The article concludes that Dostoevsky takes into account the experience of the development of

the theme of poetic immortality, most clearly defined in the poems of Horace, in Russian poetry. According to the writer, the rationale for the right of Nekrasov to the immortality of his name is the nationality of his work.

Keywords: Dostoevsky, Nekrasov, the theme of the poetic monument, "The Diary of a Writer".

For citation: Nilova A. Yu., Nilova M. A. Dostoevsky's Articles about Nekrasov as a Development of the Theme of the Poetic Immortality. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 14–18. DOI:10.17759/langt.2021080302 (In Russ.).

При всем обилии исследований, посвященных теме Достоевский и мировая культура, проблема «Достоевский и античность» не получила сколько-нибудь подробного освещения. Между тем писатель интересовался античной культурой на протяжении всей своей жизни. С 1834 г. он вместе с братом изучал латинский язык под руководством отца, М. А. Достоевского. О степени знакомства отца писателя с древними языками говорит тот факт, что выпускники семинарии, в которой он учился, должны были уметь не только декламировать наизусть сочинения латинских авторов, но и самостоятельно писать тексты на латинском языке. Дед матери будущего писателя, М. Ф. Котельницкий, закончил Славяно-греко-латинскую академию и в течение длительное время работал корректором Московской духовной типографии. Эта работа предполагала хорошее знание древних языков, необходимое для сверки книг. Культурная среда семьи Котельницких оказала значительное влияние на формирование круга интересов матери Достоевского, что, естественно, отразилось и на воспитании будущего писателя [5]. Начатое во время семейного воспитания и образование знакомство с античной культурой продолжилось в пансионе Чермака, где братья Достоевские изучали древнегреческий язык. Кроме того, во время обучения в пансионе и в Инженерном училище Ф. М. Достоевский много и увлеченно читал, в том числе и произведения античных авторов. В одном из писем брату он с восторгом отзывался о Гомере: Гомер (баснословный человек, может быть как Христос, воплощенный богом и к нам посланный) может быть параллелью только Христу, а не Гете. Вникни в него брат, пойми "Илиаду", прочти ее хорошенько (ты ведь не читал ее? признайся). Ведь в "Илиаде" Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни совершенно в такой же силе, как Христос новому. Теперь поймешь ли меня?» [3: 28; 69]. После выхода из каторги Достоевский просил брата прислать ему книги, в том числе и античных историков. В его библиотеке были переводы английских переложений Тацита, Цезаря, Платона, Аристофана, Вергилия, Гомера, французский перевод Тацита, «История Греции» и «История Рима» О. Иегера, а также «Латинская грамматика» Кюнера [1]. В своих произведениях Достоевский часто использовал латинские и греческие фразеологизмы, его герои рассуждали о классической литературе и истории, а в публицистических произведениях Достоевский много писал об истоках современной европейской культуры, проблемах классического образования.

На смерть Некрасова Достоевский откликнулся известной серией статей, первая из которых – «I. «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле» – начинается со слов «Умер Некрасов», что тематически, синтаксически и даже фонетически (в обоих случаях есть аллитерация) восходит к первой строчке стихотворения Лермонтова «Смерть Поэта». И там, и там это фиксация первой реакции на смерть поэтов. Возникает своего рода триада: Некрасов, Лермонтов, Пушкин, смерть Некрасова воспринимается сквозь смерть

Пушкина. Эта триада явлена во второй статье цикла «Пушкин, Лермонтов и Некрасов». Цикл статей о Некрасове завершает декабрьский раздел «Дневника писателя» за 1877 г., а следующий раздел «Дневника» появляется в августе 1880 г. и открывается «Объяснительным словом по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине». Затем следует сама Пушкинская речь при публикации названная очерком «Пушкин» и далее идет полемическая статья по поводу замечаний Градовского, связанных с этой же Пушкинской речью. Т. е. вторая глава «Дневника писателя» за 1877г. и его начало за 1880 посвящены поэтам.

В первой статье «некрасовского цикла», еще до описания эпизода над раскрытой могилой поэта, когда кто-то из толпы выкрикнул, что Некрасов был выше «байронистов» Пушкина и Лермонтова, Достоевский пишет: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и **памятного** места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым» [3:26; 112] и во второй статье продолжает: «в **будущем** народ отметит Некрасова». Тема бессмертия поэтического слова и представление о поэзии как способе преодолеть краткость и конечность человеческого существования возникает в самых первых текстах античной литературы: она присутствует уже в поэмах Гомера и древнегреческих автоэпитафиях. Наиболее ярко и оформленно тема поэтического бессмертия, бессмертия благодаря стихам зазвучала в римской литературе. Тут и не только знаменитые оды Горация «К Мелпомене» и «К Мельпомене», но и последние стихи «Метаморфоз» Овидия и др. В русской традиции есть два типа обращения к оде Горация «К Мельпомене», в которой говорится о славе во времени: более или менее точные переводы гораціанского текста без изменения реалий и биографических фактов (переводы М. В. Ломоносова, В. Капниста, А. А. Фета) и переводы или использование основной темы оды с изменением реалий и биографических фактов: это стихи Г. Р. Державина «Памятник» и А. С. Пушкина «Памятник». Державин изменяет реалии гораціанского стихотворения, русифицируя их, и иначе объясняет причину своего бессмертия. Если Гораций утверждает, что его будут помнить за то, что он «первый свел на италийский лад песню Эолии», т.е. указывает чисто эстетические причины, то Державин говорит о содержании своих стихов как залого бессмертия:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге

О добродетелях Фелицы возгласить,

В сердечной простоте беседовать о боге

И истину царям с улыбкой говорить. [2]

Пушкин, сохраняя основную тему гораціанского стихотворения и его переложения Державиным, изменяет «обоснование прав на поэтическое бессмертие» [4: 192]. Как отметила Т. Г. Мальчукова, поэт соединил античную тему с христианскими нравственными ценностями (милость, смирение, прощение, духовная свобода в широком, а отнюдь не только в политическом, смысле). У Достоевского обоснованием права на поэтическое бессмертие становится преклонение перед правдой народной и боль за народ. В статье «Пушкин, Лермонтов, Некрасов» читаем: «и помимо всех мерок: кто выше, кто ниже, за Некрасовым остается бессмертие, вполне им заслуженное, и я уже сказал почему – за преклонение его перед народной правдой, что происходило в нем не из подражания какого-нибудь, не вполне по сознанию даже, а потребностью, неудержимой силой» [3: 26; 118]. Гораций горделиво просит музу (Мельпомену) увенчать его лавровым венком за его красивые стихи (о содержании он не говорит), муза Некрасова, как мы помним, родная сестра «крестьянки молодой», которую били на Сенной, она – часть народа и она с народом в его боли и

унижении. Полемическая реакция Достоевского на утверждение Горация о том, что красота стихов может быть достаточным основанием для вечной памяти, проявляется в рассуждении начала четвертой статьи, где писатель задается вопросом, мог ли Некрасов искренне заплакать о святине духовной, излить в стихах свою скорбь, а затем утешиться просто красотой стиха и извлечь из этой красоты пользу, или «напротив того, скорбь поэт не проходила и после стихов, не удовлетворялась ими; красота их, сила, в них выраженная, угнетала и мучила его самого...?» [3: 26; 123]. И вопрос этот, по мысли Достоевского, для всех должен разрешить народ, любовью к которому и страданием по которому поэт «оправдал себя сам и многое искупил, если действительно было что искупать». Для Достоевского же ответ очевиден: искренняя любовь к народу, вера в его правду не только оправдывает поэта и возвышает дух его, но и обеспечивает вечную память и славу.

Через весь цикл статей проходит мысль, выраженная библейской фразой «Несть человек, иже не согрешит». Человек грешен, у каждого есть свой демон. В интерпретации Достоевского, у Некрасова нет ни гордыни Горация, ни самоуверенности Державина, ни тихого смирения Пушкина, он одержим демоном миллиона и страдает от этого, но даже одержимый демоном имеет право на бессмертную славу и право это санкционировано его народностью, примыканием к самой сути народной. В своем цикле статей о Некрасове Достоевский продолжает развитие в русской литературе темы поэтического бессмертия и образа поэтического памятника. Если для Горация причиной его поэтического бессмертия была красота стихов, для Державина – их духовное, гражданское и политическое содержание, для Пушкина – гуманизм его поэзии, то залогом поэтического бессмертия Некрасова, по мысли Достоевского, является народность его стихов. Говоря о праве Некрасова на бессмертие, он заодно формулирует и собственное творческое credo.

Литература

1. Буданова Н.Ф. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. 2005. СПб.: Наука, 338 с.
2. Державин Г.Р. Памятник // Державин Г.Р. Стихотворения. 1984. Петрозаводск: «Карелия», С. 123.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. 1986. Ленинград: Наука.
4. Мальчукова Т.Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина: в 3 т. Т. 2. 1998. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 204 с.
5. Скоропадская А.А. Античность в семейном воспитании и домашнем образовании // Достоевский и античность. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, С. 50-56.

References

1. Budanova N.F. Biblioteka F. M. Dostoyevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoye opisaniye. [F.M. Dostoevsky's Library: Experience of Reconstruction. Scientific description]. 2005. Saint Petersburg: Nauka, 338 p. (In Russ.).
2. Derzhavin G.R. Pam'atnik [Monument]. *Derzhavin G.R. Poems*. 1984. Petrozavodsk: «Karelia», P. 123. (In Russ.).
3. Dostoyevskiy F.M. Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t [Complete works: in 30 vol]. 1986. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
4. Malchucova T.G. Antichnyye i khristianskiye traditsii v poezii A.S. Pushkina: v 3 t. T. 2. [Ancient and Christian traditions in the poetry of A.S. Pushkin: in 3 vol. Vol. 2.] 1998. Petrozavodsk: Publ. Petrozavodsk University Press, 204 p. (In Russ.).

Нилова А. Ю., Нилова М. А.
Статьи Достоевского о Некрасове как развитие темы
поэтического бессмертия
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 14–18.

Nilova A. Yu, Nilova M. A.
Dostoevsky's Articles about Nekrasov as a Development
of the Theme of the Poetic Immortality.
2021. Vol. 8, no. 3, pp. 14–18.

5. Skoropadskaya A.A. Antichnost' v semeynom vospitanii i domashnem obrazovanii [Antiquity in family education and home education]. *Dostoevsky and antiquity*. 2021. Saint Petersburg: Publ. RHNA, 50-56p. (In Russ.).

Информация об авторах

Нилова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (ФГБОУ ВО ПетрГУ), г. Петрозаводск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4230-5972>, e-mail: annnilova@yandex.ru

Нилова Мария Анатольевна, преподаватель кафедры иностранных языков для естественно-технических направлений и специальностей, Петрозаводский государственный университет (ФГБОУ ВО ПетрГУ), г. Петрозаводск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5361-3730>, e-mail: maria_nillova@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Nilova, PhD in philology, Associate Professor at the Department of Classic Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4230-5972>, e-mail: annnilova@yandex.ru

Maria Nilova, lecturer at the Department of Foreign Languages for Technical and Natural Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5361-3730>, e-mail: maria_nillova@mail.ru

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021

Издательская деятельность Ф.М. Достоевского: деловые книги А.Г. Достоевской как источник

Панюкова Т.В.

Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), г. Петрозаводск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4494-4332>, e-mail: aurinko75@mail.ru

В комплекс материалов, относящихся к издательской деятельности Ф.М. Достоевского, входят несколько деловых тетрадей А.Г. Достоевской, сохранившихся в ее архиве и посвященных учету продаж, а также содержащих записи адресов подписчиков. Было систематизировано и описано 7 подобных документов, а также 6 примыкающих к ним дополнительных источников по распространению «Дневника Писателя». Работа по подготовке к публикации двух подобных книг подписчиков позволила выявить возможности их использования при текстологических либо биографических исследованиях: для раскрытия имен (инициалов) корреспондентов писателя; уточнения (исправления) или определения датировки письма; научного комментирования эпистолярия и составления биографических справок о корреспондентах; атрибуции анонимных адресантов. В целом, обращение к такому факультативному документальному источнику как записные книги А.Г. Достоевской со списками подписчиков «Дневника» и использование его в комплексе с другими материалами и источниками может оказываться весьма плодотворным и приводить к интересным, достоверным результатам при текстологическом исследовании поздней публицистики Ф.М. Достоевского

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, публицистика, деловые книги А.Г. Достоевской, «Дневник Писателя», текстология, биография, источниковедение, атрибуция, эпистолярный, датировка писем.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881)» № 18-012-90029 Достоевский.

Для цитаты: Панюкова Т.В. Издательская деятельность Ф.М. Достоевского: деловые книги А.Г. Достоевской как источник [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 19–30. DOI:10.17759/langt.2021080303

Publishing Activity of F.M. Dostoevsky: Business Books of A.G. Dostoevskaya as a Source

Tatiana V. Panyukova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4494-4332>, e-mail: aurinko75@mail.ru

The complex of materials related to the publishing activities of F.M. Dostoevsky includes several business notebooks of A.G. Dostoevskaya, preserved in her archive and dedicated to sales accounting, as well as containing records of subscribers' addresses. 7 similar documents were systematized and described, as well as 6 additional sources adjacent to them for the dissemination of "A Writer's Diary". The work on the preparation for publication of two similar books by subscribers allowed us to identify the possibilities of their use in textual or biographical research: to disclose the names (initials) of the writer's correspondents; clarification (correction) or determination of the dating of the letter; scientific commentary of the epistolary and the compilation of biographical information about correspondents; attribution of anonymous addressees. In general, an appeal to such an optional documentary source as A.G. Dostoevsky's notebooks. Dostoevsky with the lists of subscribers of "A Writer's Diary" and its use in combination with other materials and sources can be very fruitful and lead to interesting, reliable results in the textual study of the late journalism of F.M. Dostoevsky.

Keywords: F.M. Dostoevsky, journalism, business books by A.G. Dostoevskaya, "A Writer's Diary", textual criticism, biography, source studies, attribution, epistolary, dating of letters.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90029 Dostoevsky

For citation: Panyukova T.V. Publishing Activity of F.M. Dostoevsky: Business Books of A.G. Dostoevskaya as a Source. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 19–30. DOI:10.17759/langt.2021080303 (In Russ.).

Комплексы материалов, относящихся к издательской деятельности Ф. М. Достоевского, условно можно подразделить на 4 блока:

1) относящиеся к цензурной истории изданий: переписка с цензурными и надзорными ведомствами (Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел, подведомственный ему Санкт-Петербургский Цензурный комитет, Газетная экспедиция III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии), переписка с цензорами;

2) материалы по непосредственной подготовке к публикации (переписка с сотрудниками журналов (авторами, соредакторами, секретарем), переписка с метранпажем типографии М. А. Александровым);

3) документация по расчетам с авторами статей (приходо-расходные книги журналов);

4) материалы по распространению изданий (деловые книги А. Г. Достоевской

и сопутствующие документы, письма подписчиков).

Полный блок материалов первого и второго разделов (сами документы и письма, с полным текстологическим описанием, включая места хранения оригиналов или автографов, списки (копии), и указанием на все известные предыдущие публикации) можно найти: 1) по периоду сотрудничества Достоевского с «Гражданином» — на сайте «philolog.ru» в разделе, подготовленном в рамках проекта по описанию редакционного портфеля газеты-журнала «Гражданин» [19]; 2) по «Дневнику Писателя» — в нашей монографии, посвященной проблемам текстологии поздней публицистики Достоевского [18]. Там же опубликован блок писем читателей и подписчиков «Дневника Писателя» 1876–1878 гг.

Что касается документов, касающихся взаимоотношений издателей и авторов журналов 1860-х годов, то хорошо известны, например, конторские книги «Современника», которые детально изучались и были изданы литературно-мемориальным музеем-заповедником Н. А. Некрасова «Карабиха» [11]. Приходо-расходные книги по журналам братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» до последнего времени были малодоступны широкому кругу исследователей. В 1920-е годы они были переданы Екатериной Михайловной Достоевской в числе других материалов её отца Михаила Михайловича — основательнице и первому директору московского музея-квартиры писателя Вере Степановне Нечаевой, которая их проанализировала и широко использовала в двух своих монографиях, посвященных журналам [14], [15]. И только в последнее время этот ценнейший источник по атрибуции анонимных статей был полностью набран, вновь выверен по автографам и подготовлен к публикации в одной из петрозаводских монографий [20].

На материалах 4 блока, касающихся истории распространения изданий, в частности — на таких учетных документах как деловые книги А. Г. Достоевской, остановимся подробнее, дав их систематизированное описание и показав возможности использования этого факультативного источника в текстологических или биографических исследованиях.

Как известно, начиная с января 1873 г. [8: 302], почти все дела по книжной торговле Достоевских — скрупулезно, с присущей ей аккуратностью и ответственностью и весьма успешно — вела Анна Григорьевна. В ее архиве сохранилось несколько деловых тетрадей, посвященных учету продаж, а также содержащих записи адресов подписчиков, в т. ч. — подписчиков «Дневника Писателя». Книги эти, описанные [1: 94–100], но пока что малодоступные широкому кругу исследователей, до последнего времени не были изданы. Одним из первых пристальное внимание на «гроссбухи» Анны Григорьевны обратил И. Л. Волгин, произведший всесторонний статистический анализ 2020 адресов из тетради 1877 г., а также данных за 1881 г. из тетради, содержащей записи по ликвидации издания, и сделавший на его основе интересные обобщающие наблюдения над географией распространения «Дневника», составом, сословной принадлежностью подписчиков и под. [4: 158–161], [5: 57–63]. В результате систематизации сохранившихся материалов по этой теме выявлено и описано 7 подобных книг, хранящихся в рукописных отделах Российской государственной библиотеки (Москва) и Пушкинского Дома (Санкт-Петербург). Укажем эти источники:

1) Записная тетрадь. Деловые записи по продаже сочинений Ф. М. Достоевского. 1876–1877 гг. (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 1. 85 л.; 20 л. чист.). По нумерации А. Г. Достоевской: «Книжка 36043». Автограф. Чернила, карандаш. Без обложки, брошюровка испорчена. На л. 29 об. — 30 биографические сведения о Ф. М. Достоевском. На л. 61 об. стенографические записи.

Сведения о частных подписчиках: л. 56 об. (жалобы), 57, 68, 68 об., 79 об. — 81, 82 (адреса). Упоминается: [1: 97]. Не опубликована;

2) Записная книга с деловыми записями. 1876–1884 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.Ш.2.2. 71 л.; 1 л. чист.). Автограф. Чернила, карандаш. В картонном переплете. На л. 62 об. запись рукой Л. Ф. Достоевской. Пагинация двойная: полистная и постраничная. Адреса подписчиков: л. 2–23, 24, 25, 27, 32–45, 68. Алфавит подписчиков: л. 46–50 об. Реестр отправленных книг: л. 52 об. — 61. Упоминается: [1: 94]. Впервые опубликована [18];

3) Записная книга. Деловые записи по продаже сочинений Ф. М. Достоевского. 1881 г. (ОР РГБ. Ф. 93.Ш.2.3. 89 л.; 26 л. чист.). Автограф. Чернила, карандаш. В картонном переплете. Список фамилий и адресов подписчиков на «Дневник Писателя» 1881 г.: л. 1–9, 15 об. — 17, 30–31, 37–39, 41, 43–45, 53–55, 60, 63, 64 об. — 82, 84–87. Записи перечеркнуты, сопровождаются пометами о возвращении денег при ликвидации издания. Подписи: А. Г. Достоевской, М. Н. Стоюниной, Е. А. Штакеншнейдер и др. Список учреждений и лиц, получивших билеты на похороны Ф. М. Достоевского и их расписки в получении: л. 9 об. — 12. Запись проданных сочинений Ф. М. Достоевского и суммы от продаж: л. 13 об. — 15, 19 об. — 23, 41 об., 52 об. Приложение: 1) список подписчиков от московского книгопродавца И. Соловьева (л. 12, 2 л.); 2) письма Авдотьи Степановны Орловой, Владимира Васильевича Романович-Славитинского, Степана Акимовича Лисунова, Гавриила Казанцева, Александра Львовича Курикова, А. Смирнова в книжную торговлю Ф. М. Достоевского (6 п., 11 л.), расписки почтамта об отправлении денежных переводов (8 расписок, 8 л.). Упоминается: [1: 96]. Не опубликована;

4) Записная книга. Подписная книга на «Дневник Писателя» на 1881 г. (ОР РГБ. Ф. 93.Ш.2.4. 187 л.). Автограф. Чернила, карандаш. В картонном переплете. Здесь же подписчики на ПСС Ф. М. Достоевского (л. 35). Упоминается: [1: 96]. Не опубликована;

5) Записная книга. Список подписчиков на «Дневник Писателя», с которыми были произведены расчеты по закрытию издания. 1881 г. (ОР РГБ. Ф. 93.Ш.3.1. 1249 л.; 19 л. чист.). Автограф. Чернила, карандаш. В картонном переплете с кожаными корешком. Вклеены или вшиты: письма подписчиков, расписки почтамта и др. расписки, билеты на получение «Дневника Писателя», квитанции, газетные вырезки, конверты (13 шт.). Упоминается: [1: 96]. Проанализирована: [4: 158–161], [5: 57–63]. Не опубликована;

6) Подписная книга на «Дневник Писателя» на 1876 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 32638 (т. н. «инвентарь № 20»). 87 л.). Автограф. Краткие перечни подписчиков (фамилия, без инициалов, населенный пункт). Не опубликована;

7) Подписная книга на «Дневник Писателя» на 1877 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729. 120 л.). Автограф. Чернила, карандаш. В картонном переплете. Упоминается: [1: 100]. Проанализирована: [4: 158–161], [5: 57–63]. Впервые опубликована [18].

Единичные упоминания подписчиков «Дневника» встречаются также на страницах других записных книг А. Г. Достоевской, т. н. «приходо-расходных», ведущих ежедневный детальный учет всех денежных трат.

К этому же блоку источников, регистрирующих деятельность по изданию и распространению «Дневника», можно отнести некоторые документы, сохранившиеся в архиве Анны Григорьевны (уведомления и счета от разных газет за объявления о подписке; билеты и доверенности на получение почтовой корреспонденции; расписки в получении подписных билетов на «Дневник» и под.):

8) Билет, выданный из Санкт-Петербургского почтамта 10 января 1876 г. «отставному

подпоручику Федору Михайловичу Достоевскому» на получение, в течение всего 1876 г., на предъявителя, корреспонденции «всякого рода» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29515. 2 л.). На билете адрес (на Греческом проспекте), 5 доверенностей А. Г. Достоевской на получение писем, денежных пакетов и посылок, почтовые штемпели с датами и пометы почтовых работников с указанием количества полученного и суммы. Упоминается: [7: 241, 242], [6: 42, № 154], [12: 308];

9) Уведомление и счет Ф. М. Достоевскому от конторы редакции «Московских Ведомостей» за напечатание объявления о подписке на «Дневник Писателя» 1877 г. От 15 ноября 1876 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29665. 2 л. Л. 1–1 об. (бланк). Л. 2–2 об. (конверт). На обеих сторонах конверта расчеты рукой Ф. М. Достоевского, на штемпелях даты: 17 и 18 ноября 1876 г.). В [6], [12] не учтено;

10) Уведомление редакции журнала «Дневник Писателя» от конторы «Русских Ведомостей» и счет за напечатание объявления о подписке на «Дневник Писателя» 1877 г. От 8 декабря 1876 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29666. Л. 1–1 об. 2 л. (л. 2–2 об. чист.), 2 с.). В [6], [12] не учтено;

11) Уведомление редакции журнала «Дневник Писателя» от Главной конторы «Санкт-Петербургских Ведомостей» и счет за напечатание объявления о подписке на «Дневник Писателя» 1877 г. От 11 декабря 1876 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29667. Л. 1, 2. 2 л., л. 1 об., 2 об. чист.). В [6], [12] не учтено;

12) Расписка Ф. М. Достоевского в получении «4 книгъ подписныхъ билетовъ на издание Дневникъ Писателя» (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.46. 1 л.). От 17 декабря 1875 г. № 847. На квитанции типографии и литографии бр. Пантелеевых. Печатная, с рукописными вставками. Упоминается: [7: 348]; [12: 311];

13) Доверенность Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской на получение денежного пакета на 2 р. (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.53. 1 л.). На повестке Санкт-Петербургского почтамта от 16 декабря 1876 г. В адресе ошибочно: «Издателю „Дневника“ Князю Одоевскому». Упоминается: [7: 256]; [12: 308].

При работе с указанными записными книгами А. Г. Достоевской следует учитывать, что они часто не автономны — содержащиеся в них данные взаимосвязаны, коррелируют друг с другом, записи из одной деловой книги могут дополнять или уточнять другие, более ранние записи из другой. Так, например, в книге по продажам 1876–1877 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.11.2.1) на л. 68 исправлены ошибочные сведения из книги подписчиков 1876 г. (ОР РГБ. Ф. 93.11.2.2): фамилии «Лазичь», «Томпофол<ьскій>» (вместо: «Аазичь», «Тошпофольскій») и место службы («Китаевъ въ училище Зот<овой> а не на фабрикъ»).

Сведения в деловых книгах носят разноплановый характер. Чаще всего они связаны с ежедневными записями по текущим делам: рассылка, «счет проданным экземплярам» (книгопродавцам-оптовикам), «счет маркам», приход-расход, подарочные экземпляры, фиксация смены адресов подписчиков или исправление в них ошибок. Так называемые «подписные книги» на определенный год представляют собой лаконичный перечень, состоящий только из даты, фамилии частного лица или книгопродавца (без инициалов), краткого указания на место отправления и полученной от продажи суммы. Один подобный реестр (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729), проанализированный в свое время И. Л. Волгиным, был подготовлен нами к печати [18].

Более интересны и информативны однако другие записи, содержащие списки адресов подписчиков с достаточно полными сведениями о них. Адреса эти вносились Анной

Григорьевной в книги не по алфавиту заказчиков, а последовательно, по мере получения писем с просьбой о подписке. Здесь мы можем найти полное имя, фамилию и отчество подписчика, его адрес, рядом часто указываются также сословная принадлежность, чин, звание, место службы (если они были названы в письме). Впервые один подобный список подписчиков начального периода издания «Дневника» (1876 г.), с дополнениями за 1877 г. (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2) подготовлен к печати в издании [18].

Подобные сведения могут служить еще одним надежным фактическим источником в исследовательской работе: при переиздании «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», при подготовке полного научного комментированного свода писем подписчиков «Дневника» (реконструкция нераскрытых имен корреспондентов, составление биографических справок и комментария, уточнение датировок, атрибуция), при текстологическом описании этого блока писем в описании рукописного наследия Ф. М. Достоевского. Далее приведены несколько примеров подобного плодотворного обращения к данному, на первый взгляд, факультативному, источнику.

«Гроссбухи» Анны Григорьевны — ценнейший материал для уточнения биографических сведений о подписчиках «Дневника», корреспондентах Ф. М. Достоевского, — людях, большей частью не слишком известных. Далеко не все письма подписчиков дошли до наших дней. Иногда из нескольких писем могли сохраниться лишь позднейшие, где полные сведения об адресантах уже отсутствуют, — сохраненные в записных книгах А. Г. Достоевской, они дают теперь возможность расшифровать имена некоторых корреспондентов писателя, названных в 1957 г. В. С. Нечаевой только по фамилии, либо с нераскрытыми (не полностью раскрытыми) инициалами. В ряде случаев такое раскрытие полного имени адресанта позволяет проделать и дальнейшую работу — по восстановлению его биографии. Приведем для примера некоторые подобные имена (в угловых скобках обозначено реконструированное по ЗТ и отсутствующее в «Описании рукописей...»): Авдиев Р<остислав> В<асильевич>, Алабин Петр В<ладимирович>, Карташов Дмитрий В<асильевич>, Кузнецова К<лавдия Гавриловна>, Носова А<нна Владимировна>, Потулов Н<икандр Петрович>. Аналогичное обращение к книге подписчиков помогает уточнить имена и тех корреспондентов, которые, по разным причинам, не вошли в первое «Описание рукописей...»: так, петербургский подписчик <Валериан Степанович> Татаринов (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2. Л. 38. № 96) в письме, пересланном в Книжную торговлю Достоевских 16 декабря 1876 г. из Магазина для иногородних, упоминается там просто как «Г. Татариновъ» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29868). В рамках текстологической подготовки блока писем корреспондентов Достоевского для обновленного «Описания рукописей» писателя и его окружения (в печатный вариант монографии «Рукописное наследие», из-за существующих ограничений бумажного варианта книги по объему, эти материалы не вошли) — мы широко использовали данный источник.

Анализ записей книги подписчиков может становиться опорой для уточнения спорной датировки письма либо позволяет определить возможный интервал написания недатированных писем. Записи следуют в хронологическом порядке — книга заполнялась Анной Григорьевной по мере получения подписных писем. Сопоставив положение в списке фамилии автора спорного письма с расположенными по соседству адресантами, чьи письма точно датированы, мы получим достоверный результат.

Так, в 1876 г. некий господин Арендаренко из Самарканда (в записной книге А. Г. Достоевской — Арендаренков; ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2. Л. 11 об. № 592) прислал «автору

«Дневника Писателя» Ф. М. Достоевскому» денежный перевод и краткое письмо, с просьбой высылать «это сочинение» по указанному адресу (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29637. Л. 1–1 об.). Письмо корреспондентом датировано, однако месяц в автографе обозначен неразборчиво, римской цифрой, которую можно прочесть двояко — как «II» и как «VI». Конверт от письма не сохранился — адрес получателя («Прот<ивъ> Греческ<о>й церкви, д. Струбинскаго, кв. № 6») вписан карандашом прямо на письме, на полях вверху первого листа (что может свидетельствовать об отправке письма не почтой, а с оказией). Надежным критерием уточнения датировки в данном случае стало расположение записи об Арндаренко в записной книге иногородних подписчиков: чуть выше (т. е. ранее) на этой же странице внесены адреса двух подписчиков от П. В. Алабина (его письмо получено в Петербурге 2 марта 1876 г.), ниже, несколькими страницами далее, находится список подписчиков из Харькова, присланный Христиной Даниловной Алчевской (её письмо получено в Петербурге 22 марта 1876 г.). Таким образом, определяется интервал получения письма Арндаренко в Петербурге (между 2 и 22 марта 1876 г., ближе к нижней границе), а датой написания его следует считать не июнь, как это указывалось всеми предыдущими исследователями [7: 249], [12: 332], [6: 72, № 298], [10, III: 99], а 5 февраля 1876 г. Такой достаточно большой разрыв между датой написания и датой получения можно объяснить как отдаленностью места отправления, так и пересылкой с оказией. В письме подписчика отсутствуют инициалы, поэтому сведения о данном корреспонденте Ф. М. Достоевского можно дать только предположительно: вероятно, это Георгий Алексеевич Арндаренко (4 февраля 1846 — ?) — российский военачальник, генерал-майор, военный губернатор Ферганской области, востоковед и этнограф; в 1874–1877 гг. управляющим нагорными тюменями Зеравшанского округа Туркестана (см.: ЦГА Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 406. Автографы). См. об этом также [17]

Аналогичным образом примерный интервал написания (после 29 декабря 1875 г. — до 8 января 1876 г.) был установлен для недатированного письма московского подписчика Николая Афанасьевича Надежина (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29785): ранее его фамилии в записную книгу был внесен адрес Льва Мацевича, отправившего письмо из Кишинева 29 декабря 1875 г., чуть позже — адрес Григория Федоровича Карпова, отправившего письмо из Псковской губернии 8 января 1876 г. Все предыдущие исследователи при описании данного письма были вынуждены ограничиваться указанием года [12: 435], [6: 102, № 623], [3: 154].

Основываясь на этой же особенности заполнения записной книги, можно устанавливать примерные даты написания некоторых утраченных писем корреспондентов Ф. М. Достоевского этого периода. Как известно, не существует не только научного комментированного свода писем корреспондентов писателя, но и списка утраченных писем корреспондентов, аналогичного подобному списку писем самого писателя в академическом ПСС. Фамилии некоторых адресантов, чьи позднейшие письма сохранились, были внесены в список явно раньше — о чем можно судить по расположенным рядом точно «датированным» именам подписчиков. Так, чуть выше упоминавшегося списка харьковских подписчиков от Х. Д. Алчевской (т. е. ранее 22 марта 1876 г.) мы видим фамилии А. П. Корбы (первое известное письмо которой к Ф. М. Достоевскому датировано только 9 ноября 1876 г.), еще ранее (но после письма от Арндаренко) было получено утраченное письмо от П. В. Быкова, о существовании которого известно как из его второго письма, от 30 сентября 1876 г., так и из ответа Ф. М. Достоевского (15 апреля 1876 г.).

Этим не ограничиваются возможности использования данного, с виду, второстепенного, источника. В ряде случаев обращение к книгам подписчиков помогает при комментировании текстов писем, описании помет на них писателя и даже становится одним из аргументов при атрибуции анонимных адресантов.

Так, среди записей находим имя командира 2-й конной батареи Алексея Павловича Суражевского из Твери (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2. Л. 3) — мужа корреспондентки писателя, Л. Ф. Суражевской (урожд. Королёвой), о котором она, не называя однако имени, упоминает в своем первом письме от 17 декабря 1876 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29938). Дословным воспроизведением записи из книги городских подписчиков («Изм. п. 5-я рота домъ № 15 квар. № 12 Александръ Асафьевичъ Дудкинъ»; ОР РГБ. Ф. 93. III. 02. 02. Л. 38) является помета Ф. М. Достоевского на письме петербуржца Александра Асафиевича Дудкина (см.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29708; [9, т. 30 (2): 67, № 18], [13: 29], [21: 116]): мечтая лично познакомиться с великим писателем, молодой почитатель пришел к нему на квартиру под предлогом смены адреса, однако слишком ранний приход в тот раз не позволил осуществиться желаемому знакомству, результатом чего и явились сначала письмо, а потом — помета писателя на нем. Запись из книги подписчиков «132. Настоятельница Флоровскаго Монастыря въ Кіевѣ. Игуменьи Парвѣніи» (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2. Л. 5) стала отправной точкой для раскрытия анонима письма из Киева от 23 января 1876 г., подписанного «Иг. П. А.» — его автором оказалась сочинительница духовных стихов, игуменья Киевского Флоровского монастыря Парфения, в миру Аполлинария Александровна Адабаш (см. подробнее [2]).

Среди записей можно обнаружить фамилии, уже встречавшиеся в биографических и исследовательских работах достоевсковедов. Например, родственников, ближних и дальних: сестры Варвары Михайловны Куманиной, брата Анны Григорьевны — Ивана Григорьевича Сниткина, ее же двоюродной сестры, Марии Николаевны Сниткиной, помогавшей с распространением «Дневника», мужа племянницы Варвары Андреевны — Владимира Константиновича Савостьянова, сына от первого брака Николая Ивановича Голеновского (первый муж сестры писателя Веры Михайловны) — ротмистра Ивана Николаевича Голеновского, о котором практически ничего не известно (мельком, не называя имени, упоминает его в «Воспоминаниях» А. М. Достоевский; в 1869 г. его имя встречается в архивных документа — как поручителя на венчании М. М. Достоевского-среднего [16: 158, 173]). Находим тут и адрес комиссионера семьи Достоевских конца 1870-х гг. Александра Александровича Рудина, внесенный также в записную тетрадь Ф. М. Достоевского 1872–1875 гг. (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 125 об.; [13: 24], [21: 97]).

Списки подписчиков зримо демонстрируют широту читательской аудитории и демократизм «Дневника», объединившего всю активную, думающую, образованную часть тогдашнего российского общества — вне зависимости от сословных и имущественных различий и разницы в политических взглядах. На страницах записных книжек Анны Григорьевны могут соседствовать, иногда буквально, «Ихъ Высочество, Сергѣй Александровичъ» и некий «Мартыновъ» из Голодаевки (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729. Л. 40), или «Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максимовна Ольденбургская» («во дворецъ у Лѣтняго Сада») и «сестра милосердія Марія Ивановна Алексѣева» (ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 2. Л. 42).

Укажем также на некоторые особенности данного источника, с которыми пришлось столкнуться при подготовке их к печати. Несмотря на четкий каллиграфический почерк

самой А. Г. Достоевской, в автографах двух подготовленных записных книжек, содержащих огромное количество фамилий неизвестных людей и названий разнообразнейших населенных пунктов огромной Российской империи, встречались спорные написания, допускающие двоякое прочтение, сокращения, требующие корректной расшифровки, дефекты самого документа (текст, частично вшитый в переплет; часть листа, обрезанная вместе с текстом). Поэтому работа по их расшифровке и набору, аналогично работе по подготовке аннотированного именного указателя поздней публицистики Ф. М. Достоевского или свода писем подписчиков, нередко превращалась в своеобразное мини-исследование, что неизбежно приводило к обращению к разнообразным справочным специальным изданиям или интернет-ресурсам и базам данных биографического или генеалогического характера. Это могли быть, например, адресные книги Петербурга и Москвы, «Памятные книжки» или «Адрес-календари» определенных губерний, «Справочные книги о лицах Санкт-Петербургского / московского купечества», ежегодник «Всеобщий медицинский список...», многотомный био-библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», ежегодный справочник по российскому чиновничеству «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве», списки учащихся и преподавателей различных учебных заведений России и под. Так, именно благодаря обращению к памятным книжкам удалось реконструировать отсутствующий в автографе из-за дефекта листа сведения о двух подписчиках (обозначены ломаными скобками): *«Ивановъ, Николай Федоровичъ, майоръ В<иленскій полицейскій ис>правникъ, Ви<льно>»*; *«Хорошевскій, Владиміръ Юліановичъ, директоръ <5-й мужской> гимназіи, Варшава, Зельная ул., № <18>»*. Иногда даже четко прописанный в записной книге адрес содержал ошибку, что чаще всего объяснялось сложным, с трудом поддающимся чтению почерком оригинала — писем подписчиков, которые приходилось расшифровывать перед заполнением книги Анне Григорьевне. Полезным в подобных случаях становится сопоставление записей нескольких деловых книг (см. примеры выше), либо обращение к тексту самого письма, в случае если оно сохранилось: так, например, отчество подписчика из Черниговской губернии, ошибочно зарегистрированного в записной книге как Михаил *Алексеевич* Закревский, на самом деле было *Александрович* (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29801), а правильное написание фамилии *«Чоглаковъ»* согласно «Адрес-календарю» — Чоглоков.

Резюмируя сказанное, можно сказать, что обращение к такому факультативному документальному источнику как записные книги А. Г. Достоевской со списками подписчиков «Дневника» и использование его в комплексе с другими материалами и источниками может оказываться весьма плодотворным и приводить к интересным, достоверным результатам при текстологическом исследовании поздней публицистики Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Андрианова И.С. «Музей памяти Ф.М. Достоевского»: история и перспективы проекта. 2013. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 192 с.
2. Андрианова И.С. Духовная поэтесса «Иг. П.А.»: атрибуция письма одной неизвестной корреспондентки Достоевского [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 85–107. DOI: 10.15393/j10.art.2016.2921
3. Белов С.В. Ф.М. Достоевский в неизданной переписке // Север. 1991. №11. С. 152–160.
4. Волгин И.Л. Редакционный архив «Дневника писателя» (1876–1877) // Русская литература.

1974. № 1. С. 150–161.

5. Волгин И.Л. Ничей современник: четыре круга Достоевского. 2019. М.; СПб.: Нестор-История, 735 с.
6. Гармашева Т.В., Капелюш Б.Н. Рукописи и переписка Ф.М. Достоевского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. 1957. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, С. 5–130.
7. Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского: биография в датах и документах. 1935. М.: Ленинград: Academia, 445 с.
8. Достоевская А.Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., коммент. И.С. Андриановой, Б.Н. Тихомирова. 2015. М.: Бослен, 768 с.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. 1972–1990. Ленинград: Наука.
10. Макеев М.С. Контторские книги журнала «Современник» 1860–1865 гг. // КАРАБИХА: историко-литературный сборник. Вып. 10. 2018. Ярославль: Академия 76, С. 119–254.
11. Нечаева В.С. Описание рукописей Ф.М. Достоевского. 1957. М.: Изд-во АН СССР, 588 с.
12. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» (1861–1863). 1972. М.: Наука, 317 с.
13. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). 1975. М.: Наука, 303с.
14. Орнатская Т.И. Рукою Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 6. 1985. Ленинград: Наука, С. 3–31.
15. Панюкова Т.В. Уточнения к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича (по материалам петербургского архива) [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 129–179. DOI: 10.15393/j10.art.2018.3787
16. Панюкова Т.В. «Дневник Писателя» в зеркале его читателей: текстологический детектив // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация» (г. Ярославль, 22–26 сентября 2021 г.). Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2021. С. 169–185.
17. Панюкова Т.В. Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881): коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 936 с.
18. Редакционный архив газеты-журнала «Гражданин» (1872–1879 гг.) [Электронный ресурс] // Портал «philolog.petsu.ru» / ПетрГУ, WEB-лаборатория Института филологии, кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии. URL: <https://philolog.petsu.ru/grazhdanin/menu3.html> (дата обращения: 01.08.2021)
19. Редакционный архив журналов братьев Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: [монография]. 2021. СПб.: Изд-во РГХА.
20. Тихомиров Б.Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (к проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя) [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 90–140. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361
21. Фридлиндер Г.М., Буданова Н.Ф. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. 1993–1999. СПб.: Академический проект.

References

1. Andrianova I.S. "Muzei pamyati F.M. Dostoevskogo": istoriya i perspektivy proekta ["The Museum of Memory of F.M. Dostoevsky": History and the Prospects of the Project]. 2013. Petrozavodsk: Publ. Petrozavodsk State University, 192 p. (In Russ.)
2. Andrianova I.S. Dukhovnaya poetessa «Ig. P.A.»: atributsiya pis'ma odnoi neizvestnoi

- korrespondentki Dostoevskogo [A Spiritual Poetess "Ig. P.A.": Attribution of the Letter of One Unknown Correspondent of Dostoevsky]. *Neizvestnyy Dostoevskiy=The Unknown Dostoevsky*, 2016, no. 4, pp. 85–107. DOI: 10.15393/j10.art.2016.2921 (In Russ.)
3. Belov S.V. Dostoevskii v neizdannoï perepiske [Dostoevsky in the Unpublished Correspondence]. *Sever=North*, 1991, no. 11, pp. 152–160. (In Russ.)
 4. Volgin I.L. Redaktsionnyi arkhiv «Dnevnika pisatelya» (1876–1877) [Editorial Archive of “A Writer’s Diary” (1876–1877)]. *Russkaya literatura=Russian literature*, 1974, no. 1, pp. 150–161. (In Russ.)
 5. Volgin I.L. Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo [Nobody’s Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]. 2019. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 735 p. (In Russ.)
 6. Garmasheva T.V., Kapelyush B.N. Rukopisi i perepiska F.M. Dostoevskogo [The Manuscripts and Correspondence of F.M. Dostoevsky]. *Byulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma=Bulletins of the Manuscript Department of the Pushkin House*. 1957. Moscow, Leningrad: Publ. Academy of Sciences of the USSR, pp. 5–130. (In Russ.)
 7. Grossman L.P. Zhizn’ i trudy F.M. Dostoevskogo: Biografiya v datakh i dokumentakh [Life and Works of F.M. Dostoevsky: Biography Through Dates and Documents]. 1935. Moscow, Leningrad: Academia, 445 p. (In Russ.)
 8. Dostoevskaya A.G. Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]. 2015. Moscow: Boslen, 768 p. (In Russ.)
 9. Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 T. [The Complete Works: in 30 Vol.]. 1972–1990. Leningrad: Nauka (In Russ.)
 10. Makeev M.S. Kontorskiye knigi zhurnala «Sovremennik» 1860–1865 godov [Office Books of the journal "Sovremennik" 1860–1865 years]. *KARABIKhA: istoriko-literaturnyi sbornik. Vyp. 10.=KARABIKHA: historical and literary collection. Issue 10*. 2018. Yaroslavl: Academia 76, pp. 119–254. (In Russ.)
 11. Nechaeva V.S. Opisanie rukopisey F.M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky’s Manuscripts]. 1957. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR, 588 p. (In Russ.)
 12. Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Vremya» (1861–1863) [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky “Vremya” (1861–1863)]. 1972. Moscow: Nauka, 317 p. (In Russ.)
 13. Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865) [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky “Epokha” (1864–1865)]. 1975. Moscow: Nauka, 303 p. (In Russ.)
 14. Ornatskaya T.I. Dostoevsky’s Handwriting. *Dostoevskiy.Materialy i issledovaniya=Dostoevsky. Materials and Researches*. Vol. 6. 1985. Leningrad: Nauka, pp. 3–31. (In Russ.)
 15. Panyukova T.V. Utochneniya k rodosloviyu Dostoevskikh: semeistvo Mikhaila Mikhailovicha (po materialam peterburgskogo arkhiva) [Revision of the Dostoevsky Genealogy: Family of Mikhail Mikhailovich (Based on the Materials of St.Petersburg Archive)]. *Neizvestnyy Dostoevskiy=The Unknown Dostoevsky*, 2018, no. 3, pp. 129–179. DOI: 10.15393/j10.art.2018.3787 (In Russ.)
 16. Panyukova T.V. "Dnevnik Pisatelya" v zerkale ego chitatelei: tekstologicheskii detektiv ["The Writer's Diary" in the Mirror of His Readers: a Textual Detective]. *Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Diskurs Nekrasova i Dostoevskogo: kulturnoe nasledie i ego interpretatsiya"* (g. Yaroslavl, 22–26 sentyabrya 2021 goda, Yaroslavl) [Proceedings of the All-Russian International Academic Scientific Conference "The Discourse of Nekrasov and Dostoevsky: Cultural Heritage and its Interpretation"]. Yaroslavl: Publ. Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, pp. 169–185. (In Russ.)

Панюкова Т.В.
Издательская деятельность Ф.М. Достоевского:
деловые книги А.Г. Достоевской как источник
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 19–30.

Panyukova T.V.
Publishing Activity of F.M. Dostoevsky: Business Books
of A.G. Dostoevskaya as a Source
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 19–30.

17. Panyukova T.V. Problemy tekstologii publitsistiki Dostoevskogo (1873–1881) [Problems of Textology of Dostoevsky`s Journalism (1873–1881)]. 2021. Saint Petersburg: Publ. RHGA, 936 p. (In Russ.)
18. Redaktsionnyy arkhiv gazety-zhurnala «Grazhdanin» (1872–1879 godov) [The Editorial Archive of the Newspaper-Magazine "Grazhdanin" ("The Citizen") (1872–1879)]. Available at: <https://philolog.petrso.ru/grazhdanin/menu3.html> (accessed on 01.08.2021). (In Russ.)
19. Redaktsionnyy arkhiv zhurnalov brat'ev F.M. i M.M. Dostoevskikh «Vremya» i «Epokha» [Editorial Archive of the Brothers F.M. and M.M. Dostoevsky "Vremya" and "Epokha"']. 2021. Saint Petersburg: Publ. RHGA. (In Russ.)
20. Tikhomirov B.N. Dostoevsky's Addresses and Addressees in St. Petersburg (More on the Problem of Regional Comments on the Address Records of the Writer). *Neizvestnyy Dostoevskiy=The Unknown Dostoevsky*, 2017, no. 4, pp. 90–140. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361 (In Russ.)
21. Fridlender G.M., Budanova N.F. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 T. [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vol.]. 1993–1999. Saint Petersburg: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.)

Информация об авторе

Панюкова Татьяна Викторовна, ведущий редактор Издательства ПетрГУ, Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), Республика Карелия, г.Петрозаводск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4494-4332>, e-mail: aurinko75@mail.ru

Information about the author

Tatiana V. Panyukova, Senior Editor of the Publishing House, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4494-4332>, e-mail: aurinko75@mail.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 15.09.2021

Близость и разногласия мировоззренческих основ творчества Ф.М. Достоевского и европейского экзистенциализма

Шилин А.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinayu@mgppu.ru

Трифонова А.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1470-1962>, e-mail: trifonovaayu@mgppu.ru

Творчество Федора Михайловича Достоевского сформировалось под влиянием социальных настроений XIX века, однако, феномен экзистенциального сознания, который присущ его литературным произведениям, позволяет читателям XXI века находить ответы на актуальные социальные вопросы. Экзистенциализм в творчестве Ф.М. Достоевского представляет собой способ интерпретации кризисного мироощущения, когда собенности ценностных ориентаций и культуры, стремительность глобализационных процессов того времени определяли траекторию развития цивилизации, в которой ключевая роль отводится индивиду как самостоятельной единицы общества, имеющей возможность формировать собственную судьбу. Образы литературных героев Федора Михайловича, универсальность поставленных в произведениях вопросов обеспечивают ценностно-смысловые опоры, позволяющие в новых реалиях сформировать самоидентификацию и самоопределение человека. В данной работе проведен анализ феномена экзистенциализма как философского понятия и его корреляции с социальными настроениями Европы и России XIX века и произведениями Федора Михайловича.

Ключевые слова: философия экзистенциализма, творчество Ф.М. Достоевского, особенности ценностно-смысловых и культурных ориентаций XIX века.

Для цитаты: Шилин А.Ю., Трифонова А.Ю. Близость и разногласия мировоззренческих основ творчества Ф.М. Достоевского и европейского экзистенциализма [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 31–37. DOI:10.17759/langt.2021080304

Шилин А.Ю., Трифонова А.Ю.
Близость и разногласия мировоззренческих основ
творчества Ф.М. Достоевского и европейского
экзистенциализма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 31–37.

Shilin A.Yu., Trifonova A.Yu.
The Closeness and Disagreements of the Ideological
Foundations of F.M. Dostoevsky and European
Existentialism
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 31–37.

The Closeness and Disagreements of the Ideological Foundations of F.M. Dostoevsky and European Existentialism

Artem Yu. Shilin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinyu@mgppu.ru

Anastasiia Yu. Trifonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1470-1962>, e-mail: trifonovaayu@mgppu.ru

The work of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky was formed under the influence of social moods of the 19th century, however, the phenomenon of existential consciousness, which is inherent in his literary works, allows readers of the 21st century to find answers to pressing social questions. Existentialism in the works of F.M. Dostoevsky is a way of interpreting a crisis perception of the world, when the characteristics of value orientations and culture, the rapidity of globalization processes of that time determined the trajectory of the development of civilization, in which the key role is assigned to the individual as an independent unit of society that has the ability to shape his own destiny. The images of the literary heroes of Fyodor Mikhailovich, the universality of the questions posed in the works, provide value-semantic supports, allowing in the new realities to form self-identification and self-determination of a person. This paper analyzes the phenomenon of existentialism as a philosophical concept and its correlation with the social moods of Europe and Russia in the 19th century and the works of Fyodor Mikhailovich.

Keywords: philosophy of existentialism, the work of F.M. Dostoevsky, especially the value-semantic and cultural orientations of the 19th century.

For citation: Shilin A.Yu., Trifonova A.Yu. The Closeness and Disagreements of the Ideological Foundations of F.M. Dostoevsky and European Existentialism. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 31–37. DOI:10.17759/langt.2021080304 (In Russ.).

Творчество Федора Михайловича Достоевского едва ли можно однозначно интерпретировать в рамках конкретного дискурса или методологического подхода, оно включает в себя различные течения и представления, однако все они неотъемлемо связаны с философскими интерпретациями его произведений. Одной из первых попыток осмысления произведений Фёдора Михайловича через призму экзистенциализма сделали религиозные философы, представляющие гуманистическую антропологию русского экзистенциализма (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, „Н. Леонтьев и др.), которые определили сходство идей писателя о месте человека в мире, о религиозном самосознании с собственными философскими размышлениями, представленными в научных трудах. Для проведения сравнительного анализа близости и разногласия мировоззренческих основ творчества Ф.М. Достоевского и философии экзистенциализма видится необходимым

определить понятие «экзистенциализм» и социальные предпосылки его формирования.

Экзистенциальное сознание - философско-художественный феномен, рассматриваемый, как индивидуальная характеристика писателя и его мировоззрение, так и тип художественного мышления, интерпретируемые в различных формах художественного письма. Данное определение позволяет нам рассматривать экзистенциализм как художественное явление, а не как конкретный исторический период. У. Эко определяет экзистенциализм, как нефиксированное хронологическое явление, что позволяет рассмотреть философский экзистенциальный подход в русской литературе XIX века не как предпосылку к формированию экзистенциализма XX века, а как особую стадию развития экзистенциального сознания, выражающуюся в особых художественных смыслах [2].

Экзистенциализм представляет собой «философию кризиса» – ответ на социальные волнения и катаклизмы развития человеческой цивилизации. В XIX веке формировалось два противоположных сценария развития общественной мысли - с одной стороны, с расцветом буржуазных отношений в Европе сформировалась траектория развития социального отчуждения, в котором индивиды представлялись как бы изолированными друг от друга, с другой стороны, традиционное общество, представляющее другу «антропологическую модель» где человека нельзя рассматривать без совокупности его межличностных взаимоотношений, его личность подчинена сформировавшимся социо-культурным нормам и законам социального пространства. Философия экзистенциализма рассматривает человека и его место в социальном пространстве, индивидуальные особенности и ресурсы, позволяющие формировать собственную жизненную траекторию [7]. Основными идеями данного направления являются: самоидентификация человека, которая происходит на протяжении всей жизни; свобода, которая трактуется через призму выбора; ответственность, вопрос о которой неизбежно возникает в совокупности с понятием «свобода»; конечность существования человека. Рассматривая вопросы близости и разногласия творчества Ф.М. Достоевского и философии экзистенциализма, перечисленные выше идеи становятся критериями сравнительного анализа.

В творчестве Федора Михайловича эпоха 1860 - 1870 годов осмысливается как кризисная ситуация, в которой доминируют процессы аномии: виктимизация, криминализация, сформированные «огромным и необыкновенным переломом, почти внезапным в истории по своей цельности и своему характеру» [8]. Собственный опыт проживания «кризисных ситуаций» формирует у Фёдора Михайловича идею, что в переломные моменты человек определяется относительно двух категоричных позиций – преступник или жертва. Выбор человека в большинстве своем представляет собой не столько сознательный поступок, сколько показывает силу «духа» и внутренние культурно-нравственные ценности. Однако, социальный перелом сформировал особый тип героя – «преступник-жертва», который одновременно не виновен и виновен в своих действиях, и для героев Достоевского такой подход часто является определяющим их дальнейшую судьбу, формируя экзистенциальный выбор в критической ситуации.

Вопрос самоидентификации человека в социальном пространстве являлся как предметом размышления представителей экзистенциализма, так и Фёдора Михайловича. Его творчество в интерпретации соотечественников находило отголоски Европейской реформации, которая определила проблему обособленности человека от социальных взаимоотношений, остро поставив вопросы одиночества, поиска собственного «Я» [6].

Вполне естественная потребность самоидентификации человека в условиях социального кризиса побуждает его как к обращению к традициям, так и поиску идеалов. Герои Достоевского в процессе самосознания искали своё место в социальной системе, исследуя границы собственной свободы в обществе, что являлось новым для традиционного подхода. Одним из произведений, в котором остро стоит вопрос самоанализа героя, является повесть «Записки из подполья», в которой герой Достоевского, мучимый внутренней борьбой, пытается познать себя и окружающий мир, и уже здесь автор говорит о невозможности этих процессов без взаимодействия с другими людьми. Герой «Записок» задает множество философских вопросов, которые так и остались без ответа, ввиду невозможности формирования конструктивного диалога. В этом же произведении Фёдор Михайлович поднимает одну из актуальных философских проблем: опасность неразумного эгоизма и пренебрежение ответственностью за собственные действия, которые неразрывно рассматриваются у представителей экзистенциализма с понятием «свобода» [5]. Главным отличием позиции автора от воззрения экзистенциалистов является идея преодоления межличностного отчуждения через систему православной соборности, которая определяется как органичное единство, в котором возможно принятие личности с его собственными границами, где формируется среда, в которой не существует тотального социализма или индивидуализма. Экзистенциализм рассматривает конечность человеческого существования, в то время как Фёдор Михайлович позволяет своим героям размышлять о существовании за пределами человеческой жизни, искать ответы на вопрос самоидентификации через обращение к Богу.

М.М. Бахтин [1] в рамках метода экзистенциально-онтологической антропологии, основанного на центрации диалога как системообразующего феномена, позволяющего определить роль индивида «здесь и сейчас», характеризует произведения Ф.М. Достоевского через событийность настоящего: герои разрешают вопросы не в широком диахроническом пространстве истории, а в современном пространстве, их действия позволяют создать комфортное существование сейчас, без логического выстраивания собственного будущего. М.М. Бахтин в монографии «Проблемы поэтики» выделяет ещё одну особенность творчества Фёдора Михайловича – его герои представляют не голос автора, а собственное сознание, что определяет самостоятельность их выбора. В философской интерпретации такая «свобода» говорит о диалогическом и монологическом начале творчества Достоевского.

Понятие «свобода» является знаковым в произведениях Фёдора Михайловича, выражая суть религиозно-нравственных основ мировоззрения писателя. Сущность свободы исследуется автором не только как социальное понятие, но и как личностное, часто отождествляясь с понятием «власть». Герои Достоевского, имея разную степень свободы, вынуждены каждый принимать на себя груз ответственности за свои действия [3]. Безграничная власть, являясь противоположным к отсутствию свободы, по мнению автора, предполагает не меньше трудностей для своего героя, определяя его не только метафизические, но и ценностно-смысловые установки, позволяющие осуществлять взаимодействие с социальным пространством. Н.А. Бердяев и Ж.П. Сартр, проводя исследования социальной и индивидуальной свободы человека, испытали влияние творчества Фёдора Михайловича.

Не смотря на то, что Ж.П. Сартр называет Достоевского предшественником экзистенциализма, при более тщательном изучении его творчества можно выделить

фундаментальные различия к вопросу свободы. По мнению Ж.П. Сартра, человек обладает не просто свободой, а её Абсолютом, в связи с чем он рассматривает индивида, свободного от других индивидов, государства и всевозможных обязательств, однако при этом Жан Поль наделяет своих исследуемых долей ответственности за собственную траекторию развития. Фёдор Михайлович же, определяя свободу, ограничивает её религиозным институтом, который, по мнению писателя, способен помочь человеку создать действенную систему личной ответственности [4]. В романе «Братья Карамазовы» звучит фраза «Если Бога нет, то всё дозволено», которая определяет позицию Достоевского к свободе: ни правовые, ни культурные, ни социальные нормы не способны «усмирить» вседозволенность личности, утратившей Бога.

Синтезный характер экзистенциализма, как способа мышления, проявляется в совокупности индивидуального и общечеловеческого, когда индивид, со свойственными ему характеристиками, рассматриваясь как целостная единица общества, формирует среду, неразрывно связанную с остальными индивидами. Для корректной интерпретации текстов Фёдора Михайловича с позиции экзистенциализма, необходимо обратить внимание на многозначность тех или иных слов, беря во внимание также и смысловые пропуски и пробелы [2]. В процессе чтения необходимо осуществлять рефлексивные действия героя не только в рамках самого текста, но и в рамках целостного образа для определения главного идеологического акцента всего произведения. Доминантами экзистенциального сознания являются художественные приемы, предполагающие диалог с читателем, в ходе которого писатель ставит перед собой задачу определить личность читателя через процесс его переоценки мира, т.е. экзистенциальный характер в художественном произведении предполагает влияние как на читателя, так и на автора, формируя связи, позволяющие определить траекторию совместной трансформации.

На основании анализа близости и разногласий мировоззренческих основ экзистенциализма, было выявлено, что, не смотря на то, что понятие «экзистенциализм» впервые прозвучит после смерти писателя в XX веке, его произведения можно рассматривать с данной позиции, не столько через призму эпохи, сколько через призму взглядов и убеждений, представленных в его творчестве. Такие понятия, как «свобода», «ответственность» и «самоидентификация» неотъемлемо связаны с понятием экзистенциального сознания, однако в творчестве Достоевского они интерпретируются не столько через индивидуальность героев или социальные предпосылки, сколько через традиционные религиозные воззрения, так как именно они, по мнению автора, позволяют в период кризиса найти истинный путь и определить культурно-нравственные нормы индивида, который на их основании может заложить фундамент для построения взаимоотношений с социумом.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 1979. М.: Сов. Россия, 318 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: "Проблемы поэтики Достоевского". Работы 1960-х-1970-х гг. 2002. М.: Русское слово, 799 с.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том X. 1956. М.: Издательство Академии наук СССР, 474 с
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. 2002. М.: АСТ, 688 с

Шилин А.Ю., Трифонова А.Ю.
Близость и разногласия мировоззренческих основ
творчества Ф.М. Достоевского и европейского
экзистенциализма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 31–37.

Shilin A.Yu., Trifonova A.Yu.
The Closeness and Disagreements of the Ideological
Foundations of F.M. Dostoevsky and European
Existentialism
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 31–37.

5. *Евлампиев И.И.* Ф. Достоевский и Вл. Соловьёв о соотношении человека и Бога // Соловьёвские исследования: период. сб. науч. тр. // отв. ред. М.В. Максимов. Иваново, 2008. Вып. 1 (16). С. 5–16.
6. *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). 2012. СПб.: Издательство РХГА. 588 с.
7. *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на страницах столетий: учебное пособие. 2002. М.: Флинта: Наука, 305 с.
8. *Казakov А.А.* Ценностная архитектура произведений Ф.М. Достоевского. 2012. Томск: Изд-во Томского университета, 254 с.;

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. 1979. Moscow: Sov. Russia, 318 p. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 6: "Problemy poetiki Dostoevskogo". Raboty 1960-kh-1970-kh gg [Collected works: in 7 vols. Vol. 6: "Problems of Dostoevsky's poetics". Works of the 1960s-1970s]. 2002. Moscow: Russian word, 799 p. (In Russ.).
3. Belinsky V.G. Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. Tom X [Complete works in 13 volumes. Volume X]. 1956. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 474 p. (In Russ.).
4. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]. 2002. Moscow: AST, 688 p. (In Russ.).
5. Evlampiev I.I. F. Dostoevskii i Vl. Solov'ev o sootnoshenii cheloveka i Boga [F. Dostoevsky and V. Solovyov on the relationship between man and God]. *Solov'evskie issledovaniya: period. sb. nauch. tr. [Solovyov studies: period. collection of scientific tr.]*. In M.V. Maksimov (ed.). Ivanovo, 2008. Issue 1 (16). pp. 5-16. (In Russ.).
6. Evlampiev I.I. Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedenii k «Brat'yam Karamazovym») [Philosophy of man in the works of F. Dostoevsky (from early works to the Brothers Karamazov)]. 2012. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 588 p. (In Russ.).
7. Zamanskaya V.V. Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoi literature KhKh veka. Dialogi na stranitsakh stoletii: uchebnoe posobie [Existential tradition in the Russian literature of the twentieth century. Dialogues on the pages of centuries: a textbook]. 2002. Moscow: Flint: Nauka, 305 p. (In Russ.).
8. Kazakov A.A. Tsennostnaya arkhitektonika proizvedenii F.M. Dostoevskogo [Value architectonics of the works of F. M. Dostoevsky]. 2012. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 254 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Шилин Артём Юрьевич, старший преподаватель факультета «Социальная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinau@mgppu.ru

Трифопова Анастасия Юрьевна, студент 1 курса магистратуры направления подготовки 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование» факультета «Социальная коммуникация»,

Шилин А.Ю., Трифонова А.Ю.
Близость и разногласия мировоззренческих основ
творчества Ф.М. Достоевского и европейского
экзистенциализма
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 31–37.

Shilin A.Yu., Trifonova A.Yu.
The Closeness and Disagreements of the Ideological
Foundations of F.M. Dostoevsky and European
Existentialism
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 31–37.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1470-1962>, e-mail: trifonovaayu@mgppu.ru

Information about the authors

Artem Yu. Shilin, senior lecturer of the faculty “Social communication”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinayu@mgppu.ru

Anastasiia Yu. Trifonova, student of 44.04.02 “Psychological and Pedagogical Education” of the faculty “Social communication”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1470-1962>, e-mail: trifonovaayu@mgppu.ru

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Проблема массовизации антиутопии как жанра искусства в условиях общества риска

Симонова С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Гаршин Н.А.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Алиханова В.Л.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Проблемой данной статьи является трансформация и массовизация жанра антиутопии и утрата им своих сущностных признаков. Гипотезой исследования является существование тесной взаимосвязи процессов массовизации искусства и популяризация антиутопии в современной массовой культуре и общественном сознании. Авторы обращают внимание на роль антиутопии в современном обществе, которое может быть охарактеризовано как общество риска, а также на влияние антиутопий на сознание масс. Основным методологическим приемом выступает функциональный анализ. Кроме того, применяется диалектика, принцип историзма и компаративистский анализ. Результатом исследования является положение о том, что в современном обществе происходит акцентирование на процессе массовизации искусства, в ходе которого значительно менее очевидной становится граница между элитарной и массовой культурой. Кроме того, в ходе исследования проясняется роль литературных произведений на распространение рисков и требование моральной, а возможно, и правовой ответственности за такие деяния. Ключевым выводом является положение, согласно которому в условиях размытия границ между элитарным и массовым искусством антиутопия становится востребованным жанром и оказывает влияние на социальную реальность.

Ключевые слова: философия культуры, антиутопия, общество риска, социальная философия, интерпретация, афтер-постмодерн, медиа.

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

Для цитаты: Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л. Проблема массовизации антиутопии как жанра искусства в условиях общества риска [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45. DOI:10.17759/langt.2021080305

The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of Art in the Risk Society

Svetlana A. Simonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Nikolay A. Garshin

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Veronika L. Alikhanova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

The problem of this article is the problem of transformation and massization of the genre of dystopia and its loss of its essential features. The hypothesis of the study is the existence of a close relationship between the processes of massizing art and the popularization of dystopia in modern mass culture and public consciousness. The authors draw attention to the role of dystopia in modern society, which can be characterized as a risk society, as well as to the influence of dystopias on the consciousness of the masses. The main methodological technique is functional analysis. In addition, dialectics, the principle of historicism and comparative analysis are applied. The result of the study is the provision that in modern society there is an emphasis on the process of massization of art, during which the border between elite and mass culture becomes much less obvious. In addition, the study clarifies the role of literary works in spreading risks and the requirement of moral, and possibly legal responsibility for such acts. The key conclusion is the provision according to which, in the conditions of blurring the boundaries between elite and mass art, dystopia is becoming a popular genre and has an impact on social reality.

Keywords: philosophy of culture, dystopia, risk society, social philosophy, interpretation, after-postmodern, media.

For citation: Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L. The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of Art in the Risk Society. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45. DOI:10.17759/langt.2021080305 (In Russ.).

Антиутопия как жанр возникает в XX веке, отражая бурные политические процессы в обществе, несбывшиеся надежды слоев и классов на позитивные перемены в обществе. В самом жанре антиутопии уже на момент его генезиса словно сквозит обида и экзистенциальная тоска по поводу разочарований в переменах, невыполненных обещаний

пришедших к власти. В этом ключе характерно, что большинство исследователей называют первой и потому классической антиутопией роман «Мы», вышедший из-под пера Е.И. Замятина в 1921 г. Здесь следует заметить, что в тот момент само написание и попытка публикации подобного романа представляли собой нешуточный вызов государству и политическим лидерам, а возможно, и широким массам, которым властями делается значительная идеологическая «прививка». Таким образом, анализируя генезис антиутопии как жанра, мы можем заметить, что она несла в себе особый протестный потенциал и требовала от автора мужества выступить с подобным манифестом и приговором современному ему обществу. Однако также мы можем заметить, что мир, власть и государство в целом, описанные в «Мы» Замятина, в своей антиутопичности и репрессивности куда более честны по отношению к своим гражданам, чем в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли, который можно считать американской вариацией на тему «Мы». Государство Замятина — абсолютно механизированный продукт, пропитанный регламентацией, лишь нарушив которую, можно получить глоток свободы и счастья. Само формирование антиутопии как самостоятельного жанра можно соотнести с общим пессимизмом, характерным для мысли конца XIX — начала XX веков. В философии это можно заметить в трудах Ницше и Шопенгауэра, а позднее — в работах Адорно, Хоркхаймера и иных представителей Франкфуртской школы. Ощущения бессмысленности и тираничности мира и социума, выраженные в трудах указанных мыслителей, нашли воплощение в литературном творчестве писателей-антиутопистов. Как отмечает А.Ю. Смирнов, «Антиутопия появляется на более позднем этапе развития утопического сознания, когда последнее получило полноценное выражение в законченной литературно-художественной форме — романа-антиутопии. Ее окончательная литературная реализация в романах Е. Замятина «Мы» и О. Хаксли «О дивный новый мир» стала возможной вследствие кризиса ключевой социальной мифологемы, определявшей направление развития европейской цивилизации на протяжении XVI-XIX вв. Для ситуации начала XX в. характерно следующее: социальные катаклизмы, явившиеся следствием развития научно-технического прогресса и радикальных политических изменений в общественной жизни европейских государств (достаточно локальных в масштабах рассматриваемого феномена), наложились на общецивилизационный кризис, в результате чего возникла кризисная ситуация второго порядка, обусловившая возможность реализации феномена утопизма в форме литературной антиутопии — явления, носящего диалектический характер, поскольку в нем сопряжены две крайности: собственно утопический подход к действительности и принципиальное отрицание утопии» [6]. Значит, мы можем говорить о том, что антиутопия как жанр появилась не внезапно, каким-то непостижимым или случайным образом, а стала результатом накопления в обществе определенных противоречий, в первую очередь, социально-политических, а также следствием развития цифровых и транспортных технологий.

С течением времени развитие антиутопического жанра все больше связывалось с уменьшением свободы личности, особенно в области работы с информацией. Наиболее показательна в этом аспекте книга Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту». В ней четко прослеживается страх утратить доступ к информации, опасения цензуры и мысли.

Тем не менее, на протяжении продолжительного периода времени антиутопия остается по-настоящему протестным жанром. Это заключается как в заложенных в произведения смыслax и идеях, так и в самом факте существования этого жанра в социальном

пространстве. Искусство существует не изолированно от общих тенденций в обществе, напротив, оно часто определяет эти самые тенденции. И в самой антиутопии уже имманентно содержатся и компоненты политических структур и политического дискурса, что еще в большей степени смещает этот жанр в поле реальной социальной активности и протестности. Как отмечают Н.А. Сребрянская и Е. А. Мартынова, «в пространстве англоязычных антиутопий представлены базовые характеристики политического дискурса — общение власти с народом через СМИ, социальная оппозиция «свой — чужой», употребление политических знаков (мифы, эвфемизмы, дисфемизмы). В связи с этим литературная антиутопия может рассматриваться как вид политического дискурса» [8, С.123]. Во многом именно антиутопии вдохновляли борцов с тоталитарными режимами, противников военного вмешательства в социальную и политическую жизнь других стран, диссидентов и сторонников прав и свобод граждан. Следовательно, антиутопия была значимым социальным явлением, а авторы, пишущие антиутопии, выступали в качестве субъектов, формирующих общественное мнение и оказывающих значительное влияние на жизнь государства и гражданского общества.

Однако с течением времени и ростом уровня потребления антиутопия массовизируется и из отчасти элитарного и уникального жанра превращается в модное средство развлечения. В этом она не уникальна. Как писал Э. Хиз, всякий продукт контркультуры или субкультуры рано или поздно поглощается массовой, господствующей культурой, становясь товаром и идя на продажу в массы. В условиях общества потребления антиутопия также становится товаром, массовым и слишком популярным жанром, эту эпоху философ характеризует следующим образом: «фундаментальная проблема общества потребления состоит не в том, что наши потребности созданы искусственно, а во взгляде на ценность производимых товаров: главными считаются не столько подлинно полезные свойства, сколько способность сигнализировать об уровне успешности владельца <...> когда элементарные потребности удовлетворены, товары начинают все больше цениться за их „престижные“ свойства. Одежда становится все вычурнее, дома — больше, блюда — изысканнее, и начинают появляться ювелирные украшения. Все эти товары служат свидетельствами определенного социального статуса» [10, С.131]. Это, безусловно, сказывается на качестве производимого текста, материала. Обилие антиутопий и их чрезмерная популярность привели к тому, что в число авторов-антиутопистов вошли и откровенно слабые писатели, которые зачастую занимались откровенной графоманией. На определенном этапе быть автором антиутопии стало модно и просто-напросто выгодно в финансовом отношении, а также это позволяло без труда стать популярным, делая вариации на тему классических антиутопий, адаптированных под актуальные социальные условия.

Однако даже более значимым и интересным в контексте этой статьи является вопрос о том, почему именно в обществе потребления столь велика потребность в антиутопичном жанре. Здесь мы можем обратиться к истории утопии и ее сравнению с антиутопией. На наш взгляд, утопия возникла во времена, когда по-настоящему сытно и обеспеченно могла жить лишь небольшая прослойка населения. Причем эта сытость и была едва ли не единственным благом — говорить о достойном уровне медицины, косметических и гигиенических процедур, доступных сегодня практически каждому из нас, не приходилось, о чем свидетельствуют, например, мемуары Екатерины Второй, описывающие все сложности жизни женщины даже в более поздние, чем написание первых утопий, времена. Как пишет уже во введении к своей работе А.М. Буровский, «Современный человек несравненно богаче своих предков. По

понятиям даже очень обеспеченных людей начала XX века он просто неправдоподобно богат. Убедиться в этом очень просто: достаточно сравнить размеры домов и квартир начала XX и начала XXI веков. Жилье богатого парижанина или петербуржца столетней давности меньше и темнее, чем жилье самого среднего из наших современников. Наша повседневная еда показалась бы пиром для 90 % жителей Петербурга или Москвы 1900 года. Одежда... После изобретения нейлона наши женщины ходят в шелках, как императрицы Рима или как жены миллионеров XIX века» [2, С.8.]. Таким образом, утопия возникает как проявление экзистенциального желания человека к Иному, как проявление его тяги к переменам и разнообразию. Таким же образом дело обстояло и с антиутопией. В момент, когда уровень потребления человека значительно вырос, когда, как мы видим из приведенной выше цитаты Буровского, уровень потребления и благосостояния значительно вырос, у человека, во-первых, появляется масса новых потребностей, а во-вторых, высвобождается масса свободного времени, которым человек зачастую не умеет распорядиться. Это приводит к тому, что человеку хочется «играть» в деятельность, ему необходимо занимать себя чем-то модным. При этом тяга к иному, упомянутая выше, влечет его специально искать нечто ужасное, пугающее, отталкивающее, что наглядно демонстрируется в антиутопиях. Люди испытывают потребность в выбросе адреналина, в решении значимых проблем, связанных с выживанием, которые были так остры для наших предков. Безусловно, эта тяга сугубо подсознательна, да и вряд ли большинство из нас всерьез способны решать подобные проблемы и задачи, однако желание героического и протестного поведения внутри нас никуда не пропало. Неслучайно именно сегодня столь популярен жанр антиутопии, «1984» и «О дивный новый мир» регулярно входят в топ продаж книг, равно как и современные антиутопии, от «Метро 2033» до иных, менее известных. Появляется и обилие исследований на тему антиутопий, наиболее свежим примером которых является работа «Министерство правды», принадлежащая перу Д. Лински. В этом труде автор освещает вопросы влияния романа Оруэлла на поколения, находящиеся на стыке тысячелетий, культуру современного мира, а также проводит анализ создания этого произведения. Кроме того, уже порядка 10 лет выходят и научные труды, посвященные этой проблематике.

Влияние антиутопий на разум наших современников велико. Ряд исследователей-психологов, анализируя начало пандемии, отмечают, что многие люди подсознательно восприняли происходящее как некую вариацию компьютерной игры или фильма-катастрофы, отсюда столь активное социальное заражение масс непроверенной информацией, слухами и домыслами относительно коронавируса. Этим же можно объяснить и некую беспечность людей – привыкнув жить в вымышленном антиутопичном и апокалиптическом мире книг и игр, они не смогли всерьез и критично воспринять информацию и принять меры по защите от биологической угрозы. В их поведении скорее прослеживалось желание «сыграть» в антиутопию в жизни, а понимание того, что беда пришла всерьез и надолго, отошло на второй план или вовсе отсутствовало.

Особенно существенной представляется данная проблема в контексте общества риска, которое может быть кратко охарактеризовано нами как такое общество, в котором всякое действие или бездействие ведет к мультипликации рисков. К сожалению, массовизация антиутопия приучает потребителей произведений искусства, будь то зрители или читатели, относиться к рискам как к форме игры, недооценивая потенциал перемен и возможных опасностей. При этом возможно разрушение нормальных связей между гражданином, гражданским обществом и государством, а ведь именно создание устойчивого и

продуктивного диалога между этими субъектами – важная задача в современном мире [7]. Особые опасения вызывает то, что реальные угрозы и вызовы представляются в свете искаженного, зачастую деформированного чувства юмора, и тем самым легитимируются в сознании современного человека [12].

Таким образом, по итогам статьи мы можем прийти к следующим выводам. Антиутопия как жанр прошла долгий путь становления и трансформировалась из редкого, элитарного и протестного жанра в массовый продукт, востребованный современным обществом. Вследствие этого в рамках антиутопий перестали появляться по-настоящему революционные и новые идеи, и сам жанр значительно утратил свои позиции в художественном и идейном аспектах, при этом став одним из самых массовых и популярных в современной литературе. Причинами популярности антиутопии стали развитие общества потребления и переизбыток потребления благ вкупе с увеличением свободного времени у человека. Из-за этого в человеке, в силу его экзистенциальной тяги к иному, стало пробуждаться желание погрузиться в мир, полный вызовов, приключений, протеста, при этом ничем не рискуя. Антиутопия стала средством развлечения, а любые пересечения с реальностью лишь усиливают моду на такие произведения. Наконец, нужно заметить, что антиутопии оказали значительное влияние на сознание граждан и их поведение в повседневной жизни, а особенно в моменты социальных и политических кризисов. Можно сказать, что антиутопия стала одним из самых ходовых товаров массовой культуры, утратив свой высокий статус и роль.

Литература

1. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. 2012. Москва: РГГУ, 288 с.
2. Буровский А.М. Человек третьего тысячелетия (Куда мы идем). 2013. СПб.: Страта, 264 с.
3. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57 - 75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.
4. Симонова С.А. Ловушки эстетизации: от ренессанса к культуре постмодерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия, социология, право». 2014. № 9 (180). С. 201–207. URL: [https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209\(180\)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf](https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209(180)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf) (дата обращения 22.06.2021)
5. Симонова С.А. Маятник культуры: между морализмом и эстетизацией. 2012. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 128 с.
6. Смирнов А.Ю. Литературная антиутопия: проблема генезиса // Вестник БДУ. Серия 4. 2009. № 1. С. 39-43. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4381/1/07%20СМИРНОВ%20.pdf> (дата обращения 22.06.2021)
7. Сорина Г.В. Особенности коммуникаций между государством и обществом в современном социальном пространстве // Ценности и смыслы. 2014. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsiy-mezhdu-gosudarstvom-i-obschestvom-v-sovremennom-sotsialnom-prostranstve> (дата обращения 22.06.2021)
8. Сребрянская Н.А., Мартынова Е.А. Антиутопия как вид политического дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 122–124.

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2011/02/2011-02-24.pdf> (дата обращения 22.06.2021)

9. Старыгина А.С. Массовизация современного социокультурного пространства // Вестник современных исследований. 2018. № 5.1 (20). С.61-63. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35258287_72689034.pdf (дата обращения 22.06.2021)

10. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. Как контркультура создает новую культуру потребления. 2007. М.: Добрая книга, 456 с.

11. Шапинская Е.Н. Массовая культура: теории и практики. 2017. М.: Согласие, 386 с.

12. Little L.E. Just a Joke: Defamatory Humor and Incongruity's Promise // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2011. Vol. 21. P. 95. URL: <https://clhc.usc.edu/why/students/orgs/ilj/assets/docs/21-1%20Little.pdf> (дата обращения 22.06.2021)

References

1. Ben'yamin V. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti*. 2012. Moscow: RGGU, 288 p. (In Russ.).

2. Burovskii A.M. Chelovek tret'ego tysyacheletiya (Kuda my idem). 2013. Saint Petersburg: Strata, 264 p. (In Russ.).

3. Garskova I.M. «Tsifrovoy povorot» v istoricheskikh issledovaniyakh: dolgovremennye trendy. *Istoricheskaya informatika*, 2019, no. 3, pp. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251 (In Russ.).

4. Simonova S.A. Lovushki estetizatsii: ot renessansa k kul'ture postmoderna. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya, sotsiologiya, pravo»*, 2014, no. 9 (180), pp. 201–207. Available at: [https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209\(180\)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf](https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209(180)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf) (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

5. Simonova S.A. Mayatnik kul'tury: mezhdru moralizmom i estetizatsiei. 2012. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 128 p. (In Russ.).

6. Smirnov A.Yu. Literaturnaya antiutopiya: problema genezisa. *Vestnik BDU. Seriya 4*, 2009, no. 1, pp. 39–43. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4381/1/07%20SMIRNOV%20.pdf> (Accessed 22.06.2021). (In Russ.).

7. Sorina G.V. Osobnosti kommunikatsii mezhdru gosudarstvom i obshchestvom v sovremennom sotsial'nom prostranstve. *Tsenosti i smysly*, 2014, no. 4 (32), Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-kommunikatsiy-mezhdru-gosudarstvom-i-obshchestvom-v-sovremennom-sotsialnom-prostranstve> (Accessed 22.06.2021). (In Russ.).

8. Srebryanskaya N. A., Martynova, E. A. Antiutopiya kak vid politicheskogo diskursa. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no. 2, pp. 122–124. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2011/02/2011-02-24.pdf> (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

9. Starygina A.S. Massovizatsiya sovremennogo sotsiokul'turnogo prostranstva. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2018, no. 5.1 (20), pp. 61–63. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35258287_72689034.pdf (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

10. Khiz Dzh., Potter E. Bunt na prodazhu. Kak kontrkul'tura sozdaet novuyu kul'turu potrebleniya. 2007. Moscow: Dobraya kniga, 456 p. (In Russ.).

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

11. Shapinskaya E.N. Massovaya kul'tura: teorii i praktiki. 2017. Moscow: Soglasie, 386 p. (In Russ.).

12. Little L.E. Just a Joke: Defamatory Humor and Incongruity's Promise. *Southern California Interdisciplinary Law Journal*, 2011. Vol. 21. pp. 95. Available at: <https://clhc.usc.edu/why/students/orgs/ilj/assets/docs/21-1%20Little.pdf> (Accessed 22.06.2021)

Информация об авторах

Симонова Светлана Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, профессор общеуниверситетской кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru
Гаршин Николай Александрович, преподаватель кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Алиханова Вероника Левановна, аспирант кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Information about the authors

Svetlana A. Simonova, PhD (Philosophy), Professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Professor of the University Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Nikolay A. Garshin, Lecturer, Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Veronika L. Alikhanova, PhD student of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 15.09.2021

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Проблемы интерференции при переводе глаголов прошедшего времени в художественных текстах Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова на итальянский язык

Асташина М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

Работа направлена на анализ интерференции как естественного процесса, возникающего при переводе литературных текстов. В основу лингвистического анализа были положены два произведения русских классиков – “Белые ночи” Ф. М. Достоевского и “Мороз, Красный нос” Н. А. Некрасова. В ходе исследования перевода глаголов прошедшего времени на итальянский язык было отмечено, что полного соответствия в грамматических структурах не происходит. Поскольку в некоторых отрывках перевод осуществлялся с использованием “характерных” для итальянского языка конструкций и времен, то можно говорить о явлении интерференции. Отмечается, что данный лингвистический феномен не является разрушающим коммуникацию или смысл фактором.

Ключевые слова: интерференция, вид глагола, аспект, прошедшее время, трудности перевода.

Для цитаты: Асташина М.С. Проблемы интерференции при переводе глаголов прошедшего времени в художественных текстах Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова на итальянский язык [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 46–53. DOI:10.17759/langt.2021080306

Problems of Interference when Translating Past Tense Verbs in Literary Texts by F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov into Italian

Maria S. Astashina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

The article is devoted to the analysis of the interference as a natural process that occurs in literary texts translation. The linguistic analysis was based on two works of

Russian classics: “White Nights” by F. M. Dostoevsky and “Frost, Red Nose” by N. A. Nekrasov. During the study of the translation of the past tense verbs from Russian into Italian, it was noted that there is no full correspondence in grammatical structures. As in some passages the translation was carried out by constructions and tenses typical for the Italian language, we can speak of the phenomenon of interference. It is noted that this linguistic phenomenon is not a factor destroying communication or meaning.

Keywords: interference, verb type, aspect, past tense, translation difficulties.

For citation: Astashina M.S. Problems of Interference when Translating Past Tense Verbs in Literary Texts by F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov into Italian. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 46–53. DOI:10.17759/langt.2021080306 (In Russ.).

Термин интерференция был введен в лингвистическую литературу ученым Пражского лингвистического кружка, американским лингвистом У. Вайнрахом после публикации монографии “Языковые контакты”. Предложенное ученым определение несколько раз уточнялось, но до сих пор остается общепринятым. Интерференция появляется в рамках языковых контактов и представляет собой “нарушение билингом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков” [Комисаров, 1989, с. 108]. Языковой контакт в свою очередь возможен, когда существует двуязычие или многоязычие, и неотъемлемой характеристикой является языковой контакт. Проявлением лингвистической интерференции будет сам человек-переводчик, поскольку его задачей является передача элементов, явлений и функций одной языковой системы на другую. Анализ оригинального текста и знание иностранного языка не гарантируют 100% передачу смысла, поскольку в процессе перевода могут возникнуть некоторые неточности, а именно буквализм, искажение смысла или другие отклонения от оригинала. Кроме того, по мнению У. Вайнраха, языковым контактом, во время которого проявляется интерференция, может быть не только “речевое общение между двумя языковыми коллективами”, но и учебная ситуация [Weinreich, 1953]. Именно поэтому, данная научная статья может быть полезна как преподавателям русского языка, так и преподавателям итальянского. Лингвистическим материалом для исследования выступили литературные тексты великих русских писателей.

За основу лингвистического анализа был взят рассказ Ф. М. Достоевского “Белые ночи”, поскольку данное литературное произведение может стать хорошим вводным материалом. Русскоговорящие студенты могут изучать историю итальянского кинематографа и итальянский язык, смотря в оригинале фильм “Le notti bianche” (режиссер Лукино Висконти), снятый по мотивам произведения Ф. М. Достоевского. Итальянские студенты могут не только изучать русский язык через литературный контекст рассказа, но и знакомиться с творчеством Федора Михайловича и его идеями о жизни между мечтой и реальностью. Кроме того, в рамках учебных занятий студенты также могут ознакомиться с материалами Конференции и круглого стола, которые прошли в г. Модена в 2019 году с участием Т. А. Касаткиной, членом Международного общества Ф.М. Достоевского.

Говоря о творчестве Н. А. Некрасова, стоит отметить, что Николай Алексеевич входит в список рекомендуемых авторов русской литературы. На сайте Болонского университета в списке русской литературы для студентов отмечены два произведения Н. А. Некрасова:

“Кому на Руси жить хорошо” (“Chi vive bene in Russia?”) и “Мороз, Красный нос” (“Gelo, naso rosso”). Последнее стало материалом для исследования.

Поскольку данная статья посвящена в первую очередь глаголу как в русском, так и в итальянском языке, то следует более детально разобраться с самой главной характеристикой данной части речи, а именно с видом глагола. На первый взгляд, все кажется достаточно простым: в русском языке глаголы совершенного вида отвечают на вопрос “что сделать?”, а глаголы несовершенного вида “что делать?”. Тем не менее, эта грамматическая категория описывает именно характер протекания того или иного действия, процесса (результат, длительность, повторяемость и т.п.). Кроме того, в лингвистических словарях можно встретить, что вид глагола иногда называют аспектом [Жеребило, 2010, с. 57]. Для осуществления грамотного и точного перевода не так важен сам термин, как само понимание явления: аспект связан с внутренней стороной, поскольку характеризует ситуацию изнутри и позволяет описать \ увидеть ее развитие в динамике. По мнению французского лингвиста Гюстава Гийома, вид глагола представляет собой внутреннее время, поскольку аспект позволяет не только представить одну и ту же ситуацию по-разному, но и выделить разные ее стадии. Это возможно благодаря тесной связи данной грамматической категории с семантикой исходной (глагольной) лексемы.

Тем не менее, категория вида глагола в итальянском языке пока еще не настолько широко изучена, как в отечественной лингвистике [Capilupi, Kulikova, Shumkov, 2019, с. 124]. Тем не менее, основной способ, с помощью которого аспектуальное значение глаголов передается в итальянском языке - это противопоставление временных форм глагола [Тетерукова, 2009, с. 13]. Кроме того, Ирина Михайловна в ходе своего лингвистического эксперимента доказала, что “система временных форм глагола современного итальянского языка стремится к упрощению”. Подтвердить эту мысль можно примерами из текстов русских классиков. Сравните, “Белые ночи” Ф. М. Достоевский:

Наконец я только сегодня поутру **догадался, в чем дело.** Soltanto questa mattina **ho intuito la ragione** della mia angoscia

Следует отметить, что оригинальный текст является более сложным с грамматической точки зрения, поскольку представляет собой сложноподчиненное предложение. Итальянский вариант выглядит более просто, поскольку подчинительное предложение в русском языке заменено прямым дополнением. Другой пример из этого же произведения:

Я чуть **не сгорел** и притом **испугался** Per poco **non sono bruciato!** Che spavento!

В данном отрывке итальянский переводчик решил перевести второй глагол прошедшего времени характерным восклицанием для носителей итальянского языка, чтобы сделать текст более эмоциональным. Таким образом, можно наблюдать явление стилистической интерференции (другие типы будут рассмотрены чуть дальше в этой же статье).

Эпиграф “Белых ночей” Ф. М. Достоевского начинается со слов И. С. Тургенева, которые сформулированы в сложноподчиненное предложение, в то время как в итальянской версии этот текст представлен одним простым предложением:

...Иль **был** он **создан** для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье.
В соседстве сердца твоего?..

...**Fu creato** forse allo scopo
di rimanere vicino al tuo cuore
sia pure per un attimo?...

Кроме того, необходимо обратить внимание на перевод самих форм глаголов прошедшего времени с русского языка на итальянский. В примере из эпиграфа к “Белым ночам” видно, что пассивная форма глагола несовершенного вида глагола переведена на итальянский язык также пассивной формой глагола, выраженной с помощью Passato Remoto. Тем не менее, нельзя утверждать, что форма “был \ была” в прошедшем времени всегда будет форма “fu” (Passato Remoto), поскольку этот же глагол в другой языковой ситуации может быть выражен с помощью другой грамматической конструкции (Imperfetto). Сравните (“Белые ночи” Ф. М. Достоевский):

Была чудная ночь...
Небо **было** такое звездное

Era una notte incantevole...
Il cielo **era** stellato...

А также пример из поэмы Н. А. Некрасова “Мороз, Красный нос”:

Не был ими я сам **озабочен**

Io stesso **non ero preoccupato** per loro

Интерференцию как в отечественной, так и в зарубежной литературе рассматривают на пяти уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и семантическом [Алимов, 2010, с. 19]. Далее в статье будут приведены примеры лексико-синтаксической интерференции на примере отрывка из “Белых ночей” Ф. М. Достоевского:

№1
Мне **страшно стало** оставаться
одному...

№1
Fu una sensazione terribile rimanere
da solo...

№2
Я даже **вздумал** **было** призвать
Матрену.....

№2
Mi venne perfino **l'idea** di chiamare
Matrena

Оригинальный текст (пример №1) представлен безличным предложением, сказуемое которого выражено категорией состояния. На итальянский язык эта фраза была переведена с помощью простого предложения, в котором содержится и подлежащее, и сказуемое. Возможно, перевод с использованием Passato Prossimo (“è stato spaventoso”) с точки зрения грамматики мог бы более точно передать тот самый момент, в который “стало страшно”, но переводчик решил использовать фразу с Passato Remoto, которую можно также на русский язык перевести как “было страшно”. Из примера №2 видно, что грамматическая основа предложения также была изменена. Тем не менее, в двух примерах русский глагол совершенного вида переводится на итальянский язык с помощью формы Passato Remoto. Однако использование данного времени при переводе стоит более детально изучить также, как и использование Passato Prossimo, поскольку оба этих времени могут использоваться для

перевода глаголов как совершенного, так и несовершенного вида [Тетерукова, 2009, с. 13]. Сравните (“Белые ночи” Ф. М. Достоевский):

Совершенный вид

№1

Вот почему мне и **показалось**, что меня все покидают...

№1 *Passato Remoto*

Ecco perché **ebbi** l'impressione di esser abbandonato da tutti

Когда весь Петербург **поднялся** и вдруг **уехал** на дачу

Quando tutta Pietroburgo **spiegò** le ali e **se ne andò** improvvisamente in campagna

№2

И почти ни одного знакомства **не умел завести**

№2 *Passato Prossimo*

E **non sono riuscito** a fare quasi nessuna conoscenza

Я вчера **поступила** как ребенок, как девочка...

Ieri **mi sono comportata** come una bambina

Несовершенный вид

№1

Меня целые три дня **мучило** беспокойство

№1 *Passato Remoto*

Per tre giorni **fui tormentato** da una specie di agitazione

Девушка же **шла**, словно стрелка..

La ragazza **si mise** a camminare come una freccia

№2

Я об вас сегодня долго **раздумывала**.

№2 *Passato Prossimo*

Oggi **ho pensato** molto a voi

Я к ним и не **привыкал** никогда; я ведь один...

Non **ho mai avuto** quest'abitudine; sapete, vivo da solo.

Другим способом выражения видовременных значений являются перифразы. Например, в отрывке из поэмы “Мороз, Красный нос” продолженное значение действия, выраженное в русском языке просто глаголом несовершенного времени, в итальянском языке представлено конструкцией *stare + gerundio*. Таким образом, можно снова наблюдать пример синтаксической интерференции:

В ночь, как бедная мать **умирала...**

La notte in cui la povera madre **stava morendo**

Продолжая тему видовременных значений, стоит привести для рассмотрения следующий пример из произведения Н. А. Некрасова, в котором русский глагол прошедшего времени переводится на итальянский язык глаголом настоящего времени:

«Странно! — подумал я, — верно, она о чем-нибудь очень задумалась»

“Strano!” pensai. Di sicuro **ha** qualche seria preoccupazione

В данном случае можно также судить о синтаксической интерференции. Данный пример интересен тем, как языковая картина мира влияет на перевод текста оригинала. Похожая ситуация случается в следующем примере:

Я даже и во сне **не гадал**, что когда-нибудь **буду говорить** хоть с какой-нибудь женщиной

Nemmeno in sogno **avrei presagito** di parlare un giorno con una donna

Данный пример представляет особую важность для исследования, поскольку демонстрирует разницу в мышлении носителей двух языков, про которую иногда забывают при переводе. В русском языке форма глагола или его вид сами по себе не могут описать желание, которое не было реализовано или не будет реализовано. В анализируемом тексте встреча с женщиной была для главного героя “голубой мечтой”, и это становится сразу понятным при одном лишь взгляде на форму сказуемого в итальянском языке.

Интересно то, что прошедшее время русского языка в некоторых случаях может обозначать действие в будущем. Но при переводе на иностранный язык данная особенность сохраняться не будет. В следующем примере можно наблюдать синтаксическую интерференцию, которая не позволяет использовать прошедшее время итальянского в данной языковой ситуации:

Я боюсь, чтоб она **не сломила**

No paura che **possa** rompersi

В заключении данной работы, следует сказать, что явление интерференции не всегда сопровождается ошибкой. Самое главное, знать не только само грамматическое правило употребления той или иной грамматической категории, но и анализировать контекст в целом. В противном случае, интерференция может стать мешающим общению фактором.

Литература

1. Алимов В.В. Специальный перевод и лингвистическая интерференция. 2003. М.: МОСУ, 134 с.
2. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. 2005. М.: Едиториал УРСС, 160 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. 2010. Назрань: ООО «Пилигрим», 486 с.
4. Касаткина Т.А. «Белые ночи» Ф.М. Достоевского // Материалы третьей конференции в составе 5-х Итальянских Достоевских Юношеских чтений. (г. Модена, 26 марта 2019 г.). Модена, 2019.
5. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // Проблема интерференции при переводе. 1989. Leipzig: VEB VerlagEnzyklopädie, С. 103-108.
6. Содержание курса “Русская литература” (Болонский университет) [Электронный ресурс]. 2021. Bologna: University of Bologna. URL: <https://www.unibo.it/it/didattica/insegnamenti/insegnamento/2021/329101> (дата обращения: 10.08.2021).

7. Тетерукова И.М. Грамматические трансформации текста при переводе (на материале итальянского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. н. 2009. М., 21 с.
8. Capilupi S.M., Kulikova M.N., Shumkov A.A. A Comparative Study of the Past Tense Aspects in Russian and Italian // DISCOURSE. Linguistics. 2019. Vol. 5. № 5. P. 123-135. DOI:10.32603/2412-8562-2019-5-5-123-135
9. Dostoevskiy F.M. Le notti bianchi (Giovanna Spindel). 2004. Milan: Oscar Classici Mondadori, 101 p.
10. Nekrasov N. Gelo, naso rosso [Электронный ресурс]. 2020. Italy: Ureader.ru. URL: <https://ureader.ru/it/nikolai-nekrasov---moroz-krasnyi-nos-poema---moroz-krasnyi-nos/> (дата обращения: 10.08.2021).
11. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. 1968. The Hague-Paris: Mouton, 148 p.

References

1. Alimov V.V. Spetsial'nyi perevod i lingvisticheskaya interferentsiya. 2003. Moscow: MOSU, 134 p. (In Russ.).
2. Alimov V.V. Teoriya perevoda. Perevod v sfere professional'noi kommunikatsii: Uchebnoe posobie. Izd. 3-e, stereotipnoe. 2005. Moscow: Editorial URSS, 160 p. (In Russ.).
3. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. 2010. Nazran': ООО «Piligrim», 486 p. (In Russ.).
4. Kasatkina T.A. «Belye nochi» F.M. Dostoevskogo. Materialy tret'ei konferentsii v sostave 5-kh Ital'yanskikh Dostoevskikh Yunosheskikh chtenii. (g. Modena, 26 marta 2019 g.). Modena, 2019.
5. Komissarov V.N. Problema interferentsii v teorii perevoda. *Problema interferentsii pri perevode*. 1989. Leipzig: VEB VerlagEnzyklopädie, pp. 103-108. (In Russ.).
6. Soderzhanie kursa “Russkaya literatura” (Bolonskii universitet) [Elektronnyi resurs]. 2021. Bologna: University of Bologna. Available at: <https://www.unibo.it/it/didattica/insegnamenti/insegnamento/2021/329101> (Accessed 10.08.2021).
7. Teterukova I.M. Grammaticheskme transformatsii teksta pri perevode (na materiale ital'yanskogo i russkogo yazykov): Avtoref. diss. kand. filol. n. 2009. Moscow, 21 p.
8. Capilupi S.M., Kulikova M.N., Shumkov A.A. A Comparative Study of the Past Tense Aspects in Russian and Italian. *DISCOURSE. Linguistics*, 2019. Vol. 5, no. 5, pp. 123-135. DOI:10.32603/2412-8562-2019-5-5-123-135
9. Dostoevskiy F.M. Le notti bianchi (Giovanna Spindel). 2004. Milan: Oscar Classici Mondadori, 101 p.
10. Nekrasov N. Gelo, naso rosso [Elektronnyi resurs]. 2020. Italy: Ureader.ru. Available at: <https://ureader.ru/it/nikolai-nekrasov---moroz-krasnyi-nos-poema---moroz-krasnyi-nos/> (Accessed 10.08.2021).
11. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. 1968. The Hague-Paris: Mouton, 148 p.

Информация об авторах

Асташина Мария Сергеевна, преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-

Асташина М.С.

Проблемы интерференции при переводе глаголов прошедшего времени в художественных текстах Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова на итальянский язык
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 46–53.

Astashina M.S.

Problems of Interference when Translating Past Tense Verbs in Literary Texts by F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov into Italian
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 46–53.

mail: astashinams@mgppu.ru

Information about the authors

Maria S. Astashina, lecturer at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 15.09.2021

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Концепты «estándar», «norma» и «variedad» как отражение языковой вариативности в испанском ареале

Мурашкина О.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Диалектное многообразие испанского языка создает определенные трудности в преподавании испанского языка как иностранного вследствие сложной взаимосвязи между стандартом, нормой и национальным вариантом. Идиоматическая изменчивость проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, фонологическом, морфологическом, синтаксическом. В нашем кратком сообщении уделяется внимание фонологическому уровню, который наиболее сложен из-за диалектного фактора.

Ключевые слова: estándar, norma, variedad, диалектная вариативность, фонологическая нестабильность.

Для цитаты: Мурашкина О.В. Концепты «estándar», «norma» и «variedad» как отражение языковой вариативности в испанском ареале [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 54–60. DOI:10.17759/langt.2021080307

The Concepts "Estándar", "Norma" and "Variedad" as a Reflection of Linguistic Variability in the Spanish Area

Olga V. Murashkina

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

The dialectal diversity of the Spanish language creates certain difficulties in teaching Spanish as a foreign language due to the complex relationship between the standard, the norm and the national variant. Idiomatic variability manifests itself at all levels of the language: phonetic, phonological, morphological, syntactic. In our short message, attention is paid to the phonological level, which is the most difficult due to the dialect factor.

Keywords: estándar, norma, variedad, dialectal variability, phonological instability.

For citation: Murashkina O.V. The Concepts "Estándar", "Norma" and "Variedad" as a Reflection of Linguistic Variability in the Spanish Area. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 54–60. DOI:10.17759/langt.2021080307 (In Russ.).

Основная проблема испанской фонологии – многообразная диалектная вариативность и территориальная разобщённость испанского ареала. Наиболее подвержена влиянию диалектной вариативности звучащая речь, поскольку на фонетическом уровне языковая система имеет чёткую структурную стабильность, в силу абстрактно-репрезентативного характера фонемы, а на уровне узуса функциональные диалектные подсистемы представляют собой многообразное фонологическое содержание. В звучащей речи фактор вариативности проявляется с наибольшей частотой, поскольку устная речь характеризуется максимальной формой вариативности функционирования языковых средств. Концептуализация лингвистических терминов «estándar», «norma» и «variedad», используемых для обозначения языковых моделей в архисистеме испанского языка, требует тщательного анализа и уточнения. Определение концепта «estándar» применительно к стандартизированной норме современного испанского языка, изложенное Т. Левандовски в словаре РАЕ, представляется нам наиболее точным: “La lengua de intercambio de una comunidad lingüística, legitimada e institucionalizada históricamente, con carácter suprarregional, que está por encima de la(s) lengua(s) coloquial(es) y los dialectos y es normalizada y transmitida de acuerdo con las normas del uso oral y escrito correcto.” [Язык обмена отдельного языкового сообщества, исторически узаконенный и институционализированный, который стоит выше регионального, разговорного языка (языков) и диалектов, стандартизируется и передается в соответствии с нормами правильного устного и письменного использования].

Когда мы говорим о фонетических нормах модели *español estándar*, то подразумеваем лингвистические константы языка, не принимая во внимание диалектологический, социологический, вариативный аспекты. На уровне же звучащей речи, язык – это живая материя, где фонетические особенности обусловлены акустическими и артикуляторными свойствами индивидуума, который проявляет себя в различных языковых аспектах.

Описание системы испанского консонантизма имеет несколько проблем: отсутствие единого мнения относительно принципа, который берётся за основу классификации согласных, отсутствие единого взгляда на происхождение дифференциального признака, многообразная диалектная вариативность и отсутствие лингвистических атласов для отдельных регионов испанского ареала. Определить инвентарь фонем конкретного языка – главная задача фонологии, а задача данного сообщения состоит в том, чтобы выявить «типовые оттенки» наиболее сложных для усвоения студентами фонем испанского языка, которые возникают в процессе реализации испанских согласных в звучащей речи. иными словами, выявить все варианты (аллофоны), принадлежащие каждой фонеме в инвентарной структуре испанского консонантизма. Звучащая речь, которая представляется в виде цепочки из различных фонемных комбинаций, в исследуемом языке имеет многообразную диалектальную реализацию. Современный испанский язык представляет собой совокупность множественного числа национальных вариантов, сочетающих в себе как основу – *español estándar* – , так и нормативную диалектную вариативность. Вариативность как языковой процесс отражает способность говорящего человека к экспрессии, к свободе выражения своих мыслей и чувств в звучащей речи. В звучащей речи фактор вариативности имеет принципиальное значение, поскольку разговорная речь характеризуется максимальной

формой вариативности функционирования языковых средств. На первый взгляд, иноязычная звучащая речь носит характер неорганизованности, изобилует повторениями и фонетическими нарушениями. Для носителей языка эти признаки устной речи не являются очевидными, но для билингва, который изучает испанский язык как иностранный, кажется странным, что спонтанная звучащая речь носителей языка изобилует нарушениями языковых норм. Носитель языка автоматически выбирает ту или иную фонетическую реализацию для построения высказывания, но чтобы научиться различать «типичные оттенки» [Л.В.Щерба] фонем в речи и пользоваться ими в речевой практике, необходимо освоить всё многообразие фонологических процессов фонемного инвентаря изучаемого языка. В формировании фонологического слуха в процессе обучения испанскому языку как неродному принципиальное значение имеет парадигматическая идентификация фонем, распознавание «типичных оттенков» изучаемого языка. Найти оптимальное равновесие между нормой «español estándar» и вариантами языковой нормы в испанском ареале в процессе обучения испанскому языку – задача сложная, поскольку фонологические подсистемы испанского консонантизма представляют многообразное фонологическое содержание фонемного инвентаря, учитывая диалектальный фактор и разобщённость испанского ареала.

Согласно теории Трубецкого, существуют фонологические правила, которые обуславливают функционирование фонем, регулируют их взаимодействие на уровне синтагматики и парадигматики. Каждая фонема в звучащей речи приобретает спонтанные фонологические признаки, которые устанавливают определённые отношения между абстрактной единицей – фонемой – и конкретной единицей – аллофоном, который представляет собой акустическую и артикуляторную вариацию данной фонемы. Отличительные (дифференциальные) признаки – единственная составляющая языка, позволяющая определить фонему как матрицу различий. Консонантная подсистема литературной нормы «español estándar» представлена 19 фонемами, которые на фонологическом уровне дают бесконечное множество вариантов.

Литературная норма современного испанского языка, «значительно отличается от других норм высокой степенью стабильности» (Степанов 1966, 125). Поэтому именно нормативное произношение является основой обучения иностранному языку. Смыслоразличительные признаки фонем в речи определяются дифференциальными признаками фонем, которые в фонологическом описании консонантизма являются главным фактором, поскольку сама фонема представляет абстрактную лингвистическую единицу, которая по определению А.Килиса, есть «минимальная лингвистическая единица», не имеющая смыслового значения.

Четыре фактора влияют на звукообразование, определяя их фонологическую характеристику:

- точка артикуляции, - это место, где воздух при звукообразовании встречает препятствие. К ним относятся: нёбо, внутренняя часть зубов, губы;
- способ артикуляции, - это способ прохождения выдыхаемого при звукообразовании воздуха: имплозия или латеральный звук;
- положение нёбной занавески. С её участием образуются назальные звуки;
- вибрация голосовых связок, которая обуславливает образование звонких согласных, либо её отсутствие при образовании глухих согласных.

Консонанты в испанском языке имеют довольно пёструю аллофоническую картину, в сравнении с вокализмом, поскольку вокальный звук артикуляционно, более стабилен, а

консонант, в сравнении с ним, содержит промежуточные звуковые элементы как следствие более сложной артикуляции. Рассмотрим согласные звуки испанского языка в системе фонологических оппозиций. В оппозиционных парах произношение испанских консонантов обуславливает окружение, то есть звуки стоящие рядом. В отдельных оппозициях можно наблюдать перфективное соответствие фонемы и звука, но чаще комбинаторная позиция даёт многообразные варианты - аллофоны. Так, например, аллофоны фонем /p/ /t/ /k/ представлены как [p] [t] [k], хотя в отдельных случаях в зависимости от комбинаторной позиции они могут: а) приобретать характеристики звонкости рядом со звонким консонантом: *apnea, atmósfera, técnico*; б) опускаться в имплозивной позиции: 'acto' ['ato]; в) нейтрализоваться 'apto' ['akto]. Что касается комбинаторной сочетаемости фонем в испанском языке, то её можно охарактеризовать следующим образом: все консонанты могут появляться в начальной позиции, исключая /r/ и палатальный /ʎ/, или /j/ и /j/, или /y/, за которыми следует /i/. На уровне фонологии фонема /y/ контрастирует с фонемой /k/: *callado* < > *cayado*. Дефонологизация этой оппозиции имеет место в диалектальном феномене *lleísmo/ yeísmo*, который исторически сложился в Андалузии и в настоящее время имеет место в большинстве иберийских и латиноамериканских диалектов. В лингвистическом феномене *yeísmo* существует только одна фонема /y/: заключается он в одинаковом произнесении этого звука в словах *callado* и *cayado*. Этот феномен присущ большинству латиноамериканских и испанских диалектов. Ещё в 15-16 веках произошла утрата палатального латерального /ll/ в контексте «caballo», и замена её фрикативным палатальным /y/, и здесь феномен *yeísmo* проявился как основной диалектный фактор андалузского варианта испанского языка. Дефонологизация фонемы /ll/ в звучащей речи ведёт к лингвистической интерференции на лексическом уровне, поскольку разные по смыслу слова фонологически интерпретируются одинаково: pollo/poyo [poʎo - pojo]; callado/cayado [káyado – káyado]; rollo/royo [roʎo - rojo]; gallo/rajo [gajo - rajo]; rallado/rayado [ráyado – ráyado];

Фонологическое содержание фонемы /s/ представлено следующим образом: /s/ даёт три варианта аллофонов, обусловленных процессом звукообразования: задержка > [s], придыхание > [h], элизия > [∅] пример: “tres años” и “las únicas” [t R e /s/ A4 p o ∅] [l A /s/ u4 n i k A h].

Диалектная вариативность фонологической реализации фонемы /s/ наиболее ярко проявляется в лингвистическом феномене seseo/ceseo, который заключается в произношение звука [s] похожим на произношение звука [θ], иными словами говорящими не делается различие между /s/ и /θ/, начальный консонант в словах *ciervo* и *siervo* звучит у них одинаково, в то время как дентальный звук [s] имеет канальную артикуляцию, а дентальный [θ] – рассечённую. Феномен *ceseo* распространён в сальвадорских и пуэрториканских диалектах, в Испании он имеет место в Андалузии, в большей части Севильи, в провинции Кадис, Малаге, Гранаде, где реализация фонемы /s/ имеет коронально-дентальную, либо предорсально-дентальную реализацию, а также в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах, где она реализуется как апикально – альвеолярный согласный. Как следствие прямого присутствия фонемы /θ/ в кастильском диалекте на фонологическом уровне происходит апикализация /s/, где она конвертируется в [s'] альвеолярный апикальный, что соответствует альвеолярному предорсальному [s] в других испанских диалектах. Таким

образом, за счёт диалектального феномена сесео в испанском консонантизме (нормы *español estándar*) присутствует ещё одна фонема [θ].

В странах Карибского бассейна имеет место исторически сложившееся ослабление (*debilitamiento*) звонких щелевых /b//d//g/ в интервокальной позиции. Исключение составляет только вариант Мексики, где имеет место усиление /d/, (*dedo*). Щелевые глухие в имплозивной позиции имеют тенденцию к веляризации: /apto/, /akto/. Образование фрикативных согласных имеет общий признак: замена интердентальной фонемы на альвеолярную /s/ которая в Мексике имеет тенденцию к назализации /nosotros/, либо аспирации в разговорном просторечье. Появление звука [j] перед гласным звуком в начале слова или в интервокальной позиции в середине слова называется в лингвистике йотированием. В латиноамериканских диалектах испанского языка встречается в следующих случаях: **aceptar: /a-sep-tár/ > [a-sej-tár]**, **facturar: /fak-tu-rar/ > [faj-tu-rár]**, где глухая согласная заменяется фонемой [j] в поствокальной позиции.

Говоря об этих процессах, следует отметить, что лингвистическая диалектная вариативность проявляется на двух уровнях: в статике и динамике, диалектальных характеристиках и социальной дифференциации.

Фонологическое содержание нормы “*español estándar*” в звучащей речи имеет более стабильную картину аллофонов, в сравнении с реализацией консонантных фонем в диалектных подсистемах, где аллофоническая картина (*cuadro alofónico*) очень пёстрая. Можно сделать вывод, что:

- слабое владение языковой нормой ведёт к немотивированному выбору аллофона в звучащей речи, что проявляется лингвистической интерференцией;
- в отдельных диалектных подсистемах Карибского бассейна имеет место фонетический сдвиг в реализации фонем /b/ и /v/, что определяет переход отдельных аллофонов из одного артикуляционного класса в другой.

В лингвистическом койне стран Латинской Америки литературная норма реализуется по-разному. На большей территории испаноязычного ареала преобладает андалузский вариант испанского языка. Он характеризуется симплификацией и редукцией согласных звуков, процессами, которые ведут к потере фонологической оппозиции, как, например, в классе дентальных и альвеолярных нейтрализация /l/ и /r/. Проведённый дистрибутивный анализ фонологических оппозиций в испанском консонантизме даёт основание предположить, что в современном испанском языке обнаруживается тенденция к возникновению новых фонетических единиц, которые одни лингвисты относят к самостоятельным фонемам, другие квалифицируют их как фонетические единицы. Природа происхождения этих новых единиц обусловлена фактором диалектной вариативности испанского языка. Имея в виду принадлежность латиноамериканских диалектов испанского языка к одному общему лингвистическому понятию «*español estándar*» их можно квалифицировать «как разновидности испанского языка с совпадающими тенденциями развития до сих пор единой в своей основе языковой структуры».[Степанов Г. В. 1960. С. 157.]

Не отрицая определенной роли этого языкового субстрата, воздействующего на процесс формирования дифференцирующих черт диалектных вариантов испанского языка, необходимо подчеркнуть, что значительная часть выявляемых между национальными вариантами расхождений возникает в результате неадекватного выбора факультативных вариантов на уровне нормы из набора инвариантных конститутивных признаков, присущих

Мурашкина О.В.
Концепты «estándar», «norma» и «variedad» как
отражение языковой вариативности в испанском
ареале
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 54–60.

Murashkina O.V.
The Concepts "Estándar", "Norma" and "Variedad" as a
Reflection of Linguistic Variability in the Spanish Area
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 54–60.

данному языку на любой территории его распространения. Своеобразие субстратно-суперстратных отношений в испаноязычном ареале проявляется в том, что субстратные отклонения от языковой нормы суперстрата продолжают до сих пор во всех или почти всех странах Латинской Америки. Причиной тому, по мнению многих исследователей, является устойчивый билингвизм и сохранность местных индейских языков наряду с испанским. Интенсивность такого языкового смешения и его степень различны в различных странах, что, собственно, и способствовало формированию современной языковой ситуации вариативности в странах Латинской Америки.

Литература

1. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. 2004. М.: Едиториал УРСС, 325 с.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. 2000. М.: Аспект пресс, 351 с.
3. Alarcos Llorach E. Fonología Española. 1971. Madrid: Gredos, 250 p.
4. Gili gaya S. Elementos de fonética general. 1978. Madrid: Gredos, 196 p.
5. Jakobson R., Halle M. Principios fundamentales del lenguaje. 1973. Madrid: Ayuso, 147 p.
6. Navarro tomás T. Manual de pronunciación Española. 1989. Madrid: CSIC, 324 p.
7. Quilis A., Fernandez J.A. Curso de Fonética y Fonología españolas. 1972. Madrid: CSIC, 223 p.
8. Quilis A. Tratado de fonología y fonética españolas. 1993. Madrid: Gredos, 558 p.
9. Veiga A. Las unidades fonemáticas líquidas en español // *Miscellanées de langues et cultures romanes et celtiques*. 2000. Brest: Université de Bretagne Occidentale, P. 81-97.

References

1. Stepanov G.V. K probleme yazykovogo var'irovaniya. Ispanskii yazyk Ispanii i Ameriki. 2004. Moscow: Editorial URSS, 325 p. (In Russ.).
2. Trubetskoi N.S. Osnovy fonologii. 2000. Moscow: Aspent press, 351 p. (In Russ.).
3. Alarcos Llorach E. Fonología Española. 1971. Madrid: Gredos, 250 p.
4. Gili gaya S. Elementos de fonética general. 1978. Madrid: Gredos, 196 p.
5. Jakobson R., Halle M. Principios fundamentales del lenguaje. 1973. Madrid: Ayuso, 147 p.
6. Navarro tomás T. Manual de pronunciación Española. 1989. Madrid: CSIC, 324 p.
7. Quilis A., Fernandez J.A. Curso de Fonética y Fonología españolas. 1972. Madrid: CSIC, 223 p.
8. Quilis A. Tratado de fonología y fonética españolas. 1993. Madrid: Gredos, 558 p.
9. Veiga A. Las unidades fonemáticas líquidas en español. *Miscellanées de langues et cultures romanes et celtiques*, 2000. Brest: Université de Bretagne Occidentale, pp. 81-97.

Информация об авторах

Мурашкина Ольга Викторовна, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Murashkina, Associate Professor at the Department of Language Training of Public Administration Personnel, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public

Мурашкина О.В.
Концепты «estándar», «norma» и «variedad» как
отражение языковой вариативности в испанском
ареале
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 54–60.

Murashkina O.V.
The Concepts "Estándar", "Norma" and "Variedad" as a
Reflection of Linguistic Variability in the Spanish Area
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 54–60.

Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail:
olinve@yandex.ru

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS**

**Н.А. Некрасов и литература коренных малочисленных
народов России (перевод поэмы «Княгиня Трубецкая» на
якутский язык)**

Гаврильева Н.Г.

Российский Государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5729-7648>, e-mail: ngavrileva@yandex.ru

Статья посвящена истории переводческой мысли в Якутии. Большое внимание уделено литературному влиянию декабристов и русских писателей на творчество якутских поэтов первой половины XX века. В центре внимания автора находятся споры о специфике художественного перевода с русского на якутский язык, о его функции в российском литературном процессе, особенностях творческой индивидуальности переводчика.

Ключевые слова: Некрасов, переводчик, русизмы, Трубецкая, поэма, перевод, декабристы, якутский язык.

Для цитаты: Гаврильева Н.Г. Н.А. Некрасов и литература коренных малочисленных народов России (перевод поэмы «Княгиня Трубецкая» на якутский язык) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 61–67. DOI:10.17759/langt.2021080308

**N.A. Nekrasov and the Literature of the Small Indigenous
Peoples of Russia (Translation of the Poem "Knyaginya
Trubetskaya" into the Yakut Language)**

Nadezhda G. Gavrileva

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5729-7648>, e-mail: ngavrileva@yandex.ru

The article is devoted to the history of translation thought in Yakutia. Much attention is paid to the literary influence of Decabrist and Russian writers on the work of Yakut poets the first half of the 20th century. The main focus of the author is the controversy about the specificity of the artistic translation from Russian into Yakut, his function in the Russian literary process, and the peculiarities of the creative individuality of the translator.

Keywords: Nekrasov, translator, rusisms, Trubetskaya, poem, translation, Decabrists, Yakut language.

For citation: Gavrileva N.G. N.A. Nekrasov and the Literature of the Small Indigenous Peoples of Russia (Translation of the Poem "Knyaginya Trubetskaya" into the Yakut Language). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 61–67. DOI:10.17759/langt.2021080308 (In Russ.).

Один из важнейших мировоззренческих феноменов, обладавший особенной значимостью в литературном пространстве Н.А. Некрасова, является феномен подвига. Ментальная обусловленность некрасовского подвига, это – подвижничество, самоотвержение, самопожертвование. «Лишь жертва, лишь отказ от себя во имя высокой цели способны «освятить» любое достойное дело. Без жертвы для Некрасова мертвы люди, их слова и дела» [1, с. 443]. Такими людьми, страдавшие за свои идеалы, были для Некрасова – декабристы. В декабристах писатель видел доказательство их высокого предназначения, проявление свободолюбия русского народа. Его привлекали не столько испытания, сколько духовная наполненность, содержание их подвигов.

Впервые Россия столкнулась с подвигами декабристов в 1825 году. Убежденные в величии России, в высоких духовных качествах ее народа, в естественном праве этого народа на разумное и свободное общественное устройство, декабристы решили упразднить самодержавие. Попытки эти закончились тем, что от Сенатской площади в Петербурге они были сосланы на каторгу и ссылку в Сибирь. «По итогам следствия и суда в Сибирь был отправлен 121 человек, в том числе 8 князей, 4 барона, 1 граф, 3 генерала и 94 штаб- и обер-офицера» [2, с.24]. Однако даже в невыносимых для них условиях суровой сибирской жизни, дух декабристов не был сломлен. «Попав в экстремальные условия острогов и каторжных работ, они устроили свою «академию», в которой учились друг у друга истории, иностранным языкам, философии, литературе, пытались продолжить научные занятия» [3, с. 90-92]. Основной целью их жизни стала борьба за экономический и культурный подъем народов Сибири.

Особый этап социально-экономического развития в истории якутского народа начинается с поселения декабристов в Якутскую область, которая к тому времени, представляла собой огромный край ссылки. Ее границы доходили на юге до Приамурья, на севере до Ледовитого океана, на западе до верховьев Лены и на востоке до Охотского моря. Согласно архивным документам, за период с 1826 по 1871 годы в Якутии отбывало наказание небольшая группа декабристов из 11 человек: А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Чижов, М.И. Муравьев-Апостол, Н.Ф. Заикин, А.В. Веденяпин, А.Н. Андреев, З. Чернышев, Н. Бобрищев-Пушкин, М.А. Назимов, С.Н. Краснокутский, П.Ф. Выгодский. Помимо того, что они занимались законотворчеством, огородничеством, скотоводством, еще и являлись просветителями, учителями, судьями, врачами, и в этом они видели свой гражданский долг. Знакомство с местным населением, их нуждами и помыслами, а также бытом, нравом, языком и религией, стало результатом создания декабристами уникальных образцов этнографических, фольклорных и литературных произведений.

Первым в русскую литературу ввел якутскую тематику великий русский ученый и поэт Михаил Ломоносов (1711-1765). В своей знаменитой «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны» (1747), автор с высоким поэтическим пафосом говорит об огромных богатствах Якутии: «... Но бог меж льдистыми горами / Велик своими чудесами / Там Лена чистой быстринной / Как Нил, народы напоет / И бреги наконец теряет / Сравнившись морю шириной» [4, с. 21]. Одним из лучших произведений о Якутском крае, созданных поэтами-декабристами, является поэма «Войнаровский» (1825), главным героем которой был племянник Мазепы – Андрей Войнаровский, сосланный в Якутск на вечное поселение, и погибший там же в 1740 году.

После него якутскую тему в своих произведениях продолжили А.А. Бестужев-Марлинский (автор «Рассказов о Сибири», баллады «Саатырь», статьи «Сибирские нравы. Ысыах»), а также 29

стихотворений) и Н.А. Чижов (автор поэтических произведений «Воздушная дева», «Нуча. Якутский рассказ», «Вздых», «Журавли», «Надпись к портрету красавицы», «Признание», «Эпитафия», «Сибирские цветы») [5]. Произведения ссыльных декабристов были созданы на основе якутских легенд о шаманах и духах, мифологии и фольклора якутского народа.

Оставшиеся не принятыми ни властью, ни народом, они по-настоящему обрели и раскрыли себя в суровой якутской земле, которая для многих стала второй родиной. Представители русской интеллигенции, пожертвовавшие своей свободой, жизнью ради благосостояния, задавленного нуждой и невежеством народа, оставили в сердцах местного населения самые светлые воспоминания, глубокое чувство уважения и благодарности. Потому «тема декабристов» обрела невероятную популярность в якутской художественной литературе уже в первой половине XX века. Сильнейшим средством выражения общественного сознания того времени являлись художественные переводы на якутский язык произведений А. Пушкина, Ю. Лермонтова, К. Рылеева, А. Одоевского, Н. Некрасова, Д. Мережковского, Н. Огарева, П. Драверта, А. Грибоедова, И. Крылова, А. Островского, И. Тургенева, чье творчество, по мнению якутских авторов, как и вольнолюбивая поэзия декабристов, было глубоко современно и пропитано идеями свободы, общественной и личной.

Обращение писателей Якутии к творчеству Николая Некрасова происходило в русле одного из главных процессов национальной литературы первой половины XX века. Несмотря на призыв к мятежу и бунтарству, его произведения сочетают в себе страстное желание гармонии и душевного согласия, потому имеют глубоко национальные и общечеловеческие корни, философские и эстетические традиции [6]. У Некрасова нет «чистой» религии, у него она скорее обозначение народных или даже национальных черт: подвижничества, самоотвержения, способность к высокому состраданию [7]. Якутскому народу, долгое время жившему под гнетом местных богачей, импонировало то, как великий поэт мастерски показывает силу характера, ум, гордость, трудолюбие, любовь к родине русских людей. Якуты, как и Некрасов, твердо верили в освобождение своего народа и мечтали увидеть ее гордой и счастливой. А еще в своих стихах Некрасов воспеваает близких якутянам Николая Чернышевского, Николая Добролюбова и Виссариона Белинского.

В 1948 году Якутия весьма широко отметила 125-летие классика русской литературы. И в этом же году выходит отдельной книгой сборник «Избранные произведения: поэмы и стихотворения» Н. Некрасова на якутском языке. Переводы были выполнены к под руководством поэта-переводчика И. Винокурова-Чагылгана. В книгу вошли 33 произведения Некрасова в переводе якутских поэтов и литературоведов [8]:

- «Тройка» (пер. Н. Ефремова),
- «Родина», «Стихи мои! Свидетели живые...», «Вчерашний день, часу в шестом», «Блажен незлобивый поэт», «Размышления у парадного подъезда» (пролог), «Мужичок с ноготок», «Зеленый шум», «В полном разгаре страда деревенская...», «Орина, мать солдатская», «Мороз, красный нос» (отрывок из поэмы), «Пророк», «Памяти Добролюбова», «Горе старого Наума» (отрывок), «Русь» (отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), «Колыбельная песня» и «О, Муза! я у двери гроба!» (пер. И. Чагылгана),
- «Несжатая полоса» (пер. С. Тимофеева),
- «Саша», «Свобода» «Пролог» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (пер. Ф. Софронова),
- «Школьник», «Эй, Иван!» (пер. С. Вешникова),
- «Сеятель знания на ниву родную», «Песня Еремушке», «Смолкли честные, доблестно павшие» (пер. С. Кулачикова),
- «Под жестокой рукой человека...» (отрывок из поэмы «О погоде»), «Рыцарь на час», «Что ни год – уменьшаются силы», «Коробейники» (пер. Г. Ноговицына),
- «Железная дорога» (пер. Г. Васильева),
- «Душно! без счастья и воли...» (пер. Н. Габышева),
- «Княгиня Трубецкая» (пер. Г. Макарова).

В данной статье нам бы хотелось раскрыть поэта Г.И. Макарова – Дьон Дьянылы (1914-1956) как талантливого переводчика русской классической литературы. Гаврил Иванович Макаров родился 26 февраля 1914 года в Чурапчинском районе Якутской АССР в семье крестьянина. С ранних лет любил сочинять стихи по мотивам народных песен, эпических сказаний. По воспоминаниям его однокурсников, Гаврил Макаров «уже во время учебы в педагогическом училище, делал переводы из поэмы «Паломничество Чайльда Гарольда» Байрона с русского на якутский язык, увлекался зарубежной литературой, особенно любил читать произведения Виктора Гюго, Вальтера Скотта и Оноре де Бальзак. Хорошо владел русским языком, был очень грамотным, начитанным, с тонким юмором» [9, с. 63-86]. Выпускник Литературного института им. М. Горького, автор переводов «Сказки о попе и его работнике Балде», романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, поэмы «Мцыри», стихотворений «Узник», «Парус», «Кинжал», «Утес» М. Лермонтова, поэмы «Княгиня Трубецкая» Н. Некрасова, сказки «Снегурочка» А. Островского, «Два капитана» В. Каверина, поэмы «Зоя» Н. Хикмета. В свое время со своим другом поэтом Феоктистом Софроновым они перевели трагедию «Ромео и Джульетта» В. Шекспира на якутский язык. Эта пьеса была поставлена в 1956 году студентами якутского отделения щепкинского училища в Москве, а спустя два года, в якутском драмтеатре. Последние годы жизни поэт провел, работая над переводом «Василия Теркина» А. Твардовского. Начатый им перевод после его смерти завершил другой якутский поэт Кюн Дьырибинэ. Гаврил Макаров был поэтом-фронтовиком, талантливым педагогом, до конца своих дней работал учителем русского языка и литературы в средней школе. С 1947 г. член Союза писателей СССР.

В современной литературе имеется довольно много сведений о нем, во всех рассматривается его литературное, вернее, поэтическое творчество. При этом авторы-исследователи намного более полно рассматривают перевод именно «Евгения Онегина» А. Пушкина, чем остальные его интерпретации. Про то, как поэт работал над переводом «Княгини Трубецкой» Некрасова, имеется очень мало сведений. Известно лишь то, что он занимался переводами произведений Пушкина, Лермонтова и Некрасова, когда работал учителем в различных сельских школах. Работая над переводом «Княгини Трубецкой», Макаров параллельно продолжал переводить «Евгения Онегина» Пушкина.

Теперь несколько слов о переводе «Княгини Трубецкой». Поэма «Русские женщины» (1871-1872) Н. Некрасова состоит из двух частей и рассказывает о женах декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь. Первая часть повествует о княгине Екатерине Трубецкой, а вторая написана на основе воспоминаний Марии Волконской. Переводчиком Гаврилом Макаровым был выполнен перевод только первой части и издан в составе сборника в 1948 году. Безусловно, Гаврил Макаров очень талантливый и грамотный переводчик, который вполне мог бы воспроизвести как можно полнее содержание поэмы Некрасова, если бы он не был так зависим от стихотворной формы оригинала. Чувствуется, что акцент делается переводчиком не на содержательном аспекте, а на концепции формального соответствия, что фактически лишает Макарова возможности выбора. Отказ от авторских мыслей и идеи произведения, в исключительных случаях, должны быть оправданы особыми условиями контекста или обстановки. Если таковых не имеется, то исказить или исключить из ткани произведения целые строки – недопустимо.

Помимо звуковой организации, важнейшим изобразительным средством в поэме является речевая образность. Текст «Княгини Трубецкой» состоит из многочисленных художественно выразительных средств, таких как эпитеты, сравнения, метафоры, метонимия, инверсия и т.п. В якутском переводе они не сохраняются по причине того, что образные обороты речи рождаются, в первую очередь, в национальной форме, то есть в форме, диктуемой законами языка, а содержание их отражает национальные особенности самой культуры. Если передать их дословно, то перевод без адаптации может быть неуместен на языке реципиента, тем самым получится совершенно непонятный якутскому читателю текст, поэтому Макаровым правильно используется прием

перефраз, например: *рвем мы сердце пополам / арахсыахха, кыатан* (досл.пер. «давай расстанемся с тобой») или *пред нею — вечный Рим* перевел как *былыргы Рим кэстөр* (досл.пер. «старинный Рим виден ей»).

Однако переводчики часто попадают впросак из-за того, что ему остаются неведомы самые элементарные идиомы чужого языка. В тексте поэмы, например, имеется французское слово *плюмаж*, которое означает украшение в виде перьевой опушки на головном уборе из перьев типа веера. Макаров заменяет его одним словом *перо* (*куорсун*), что совершенно не передает образность и стилистический эффект оригинала. Почему нельзя было воспользоваться приемом описательного перевода и перевести как *куорсуннаах сэлээпэтэ* (*шляпка с пером*)? Переводчика как литератора, прежде всего, должно интересовать содержание речевых образов, и их роль в выполнении художественной задачи.

Нередко в якутском тексте встречается буквальная передача авторских мыслей. Эти строки невозможно прочесть с другой интонацией, чем та, которую диктует сам оригинал, поэтому в данном случае, они вполне эквивалентно вписались в ткань перевода: *прости и ты, мой край родной / прости, несчастный край!* Воссоздано как: *бырастыы, ииппит кыраайым / дьоло суох мин дойдум!* Если в первом случае Некрасов использует повторы *прости* и *край*, то Макаров понятие *край* передает двумя разными способами – *кыраай* и *мин ойдум* (*родина моя*); а *прости* приводит только один раз – *бырастыы*.

Далее, мы замечаем, что в якутском тексте использовано многочисленное количество русизмов (слова, заимствованные из русского языка). Переводчик охотно оставляет их без перевода. В редких случаях Макаров начинает заниматься ненужным «словотворчеством» и заменять русизмы непонятной лексикой. К примеру, такие русизмы как *куорат* (*город*), *малыппа* (*молитва*), *дьяамсык* (*ямщик*), *чэрбиэнис* (*червонец*) и др., уже давно вошли в разговорную речь якутов, и воспринимаются некоторыми местными как якутские слова, то перевод *ленты* как *ньэниэндэ* вместо общепринятого *лиэнтэ*, звучит более чем странно. Боюсь, что подобные «нововведения» непонятны будут даже знатокам якутского языка, тем более, когда в обиходе якутского разговорного языка имеется вполне адекватный русизм.

Несмотря на то, что Гаврил Макаров хорошо владел русским языком, иногда он допускает неточности, например: *Кораллов! раковин! улит! Мороженой воды!* переводит как: *Улитката, коралларда! Уута, араактарда!* При чем тут «раки», когда о них и речи нет в тексте?! Понятное дело, что Макаров пытается сохранить 4-х стопный ямб некрасовской строки с парной и перекрестной рифмовкой, но это не дает право переводчику искажать содержание авторского текста. Ведь в оригинале говорится о раковинах? Можно было перевести следующим образом: *улитката* (4 слога), *коралла* (вместо – *коралларда*) (уже 3 слога, вместо 4), *уута* (2 слога), *раковината* (5 слогов). В итоге, в первом случае, стихотворная строка на один слог стало бы короче, а во втором случае, на один слог длиннее. Подобное незначительное отступление от архитектоники оригинала, как нам кажется, не сыграло бы существенной роли для якутоязычного читателя.

Но, как мы уже отметили выше, переводчик, в первую очередь, ставил себе цель передать стихотворную форму произведения. И надо полагать, ему это почти удалось. Он также использовал способ записи «лесенка», с разрывами строк на определенном слове и продолжением записи с новой строки. Архитектоника и ритмико-метрическая структура оригинала, а именно, 6-ти и 8-ми сложные строки полностью сохраняются в переводе, за исключением следующих моментов: в 59 строке автор пишет одно слово – *ликуй* и ставит после него бесконечное множество точек; переводчик добавляет от себя в якутском тексте аж две строки: *Ытыспар биллэр сиир кэриэтэ... / Кыраннын ол уорук* (как будто прожигает мою ладонь / будь проклята это логово). Совершенно не понятные строки, хотя в якутском языке имеется очень хороший эквивалент слову *ликуй* – *өрөгөйдөө*. Подобные вольности со стороны переводчика встречаются в тексте перевода после 145, 256, 474, 907 строки, когда Макаров выполняет весьма обширный описательный перевод, за счет чего добавляет от 2 до 4 строк там, где

этого не требуется. При этом 156 и 157, с 340 по 344, 703, 737 и 738, 740 и 741, 819 и 820, 834, 848 строки оригинала и вовсе опускаются, они просто отсутствуют в якутском варианте.

Якутские писатели, воспитанные на критических статьях В. Белинского и классических трудах Я. Рецкера, считали, что «талант переводчика, есть талант формы, разумеется, при способности вникать в дух чужих произведений, переводчик, как и писатель, должен владеть слогом оригинала» [10, с. 88] Согласно истории переводческой деятельности в Якутии, как показывает анализ переводной художественной литературы, переводы якутских авторов с русского на якутский язык колеблются между двумя крайностями – дословно точный, но эстетически неполноценный перевод, и художественно эквивалентный, но, далекий от оригинала, то есть вольное подражание.

Литература

1. Егоров П.И. Русские писатели о Якутии : пособие по внеклассному чтению для старших классов якутской школы: в 3 частях. Часть 1. 1981. Якутск: Якутское книжное издательство, 134 с.
2. Жезлова Е. Декабристы в Сибири // Наука и жизнь. 1995. №7. С. 90-92.
3. Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев // Мережковский Д.С. В тихом омуте. 1991. М.: "Советский писатель", С. 443.
4. Мишина Г.В. Образотворческая триада: детство – природа – храм в произведениях Н. А. Некрасова : дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2007. 174 с.
5. Попов-Тумат С.А. Дьун Дьанылы / Сэмэн Тумат. – 2-с төгүлүн эбэн таһаары. 2013. Дьокуускай: Бичик, С. 9.
6. Попов-Тумат С.А. Дьун Дьанылы / Сэмэн Тумат. – 2-с төгүлүн эбэн таһаары. 2013. Дьокуускай: Бичик, С. 37.
7. Порхунов Г.А. Декабристы в Сибири: жизнь и деятельность [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. 2001. №15. С.24-27. URL: https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/files/arhiv/2001/15%20pdf.pdf (дата обращения 03.09.2021)
8. Сафронов Ф.Г. Декабристы в якутской ссылке: к 130-летию со дня восстания декабристов. 1955. Якутск: Якутское книжное издательство, С. 80.
9. Талылыбыт хоһооннор, поэмалар (Избранные стихи и поэмы) / Н.А. Некрасов ; [аан тыл авт.], хомуйда уонна ред. И. Чабылбан. 1948. Якутскай: ЯКГИЗ, 101 с.
10. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. 2001. М.: Наследие, 254 с.

References

1. Egorov P.I. Russkie pisateli o Yakutii : posobie po vneklassnomu chteniyu dlya starshikh klassov yakutskoi shkoly: v 3 chastyakh. Chast' 1 [Russian writers about Yakutia: a guide to extracurricular reading for the senior classes of the Yakut school: in 3 parts. Part 1]. 1981. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 134 p. (In Russ.).
2. Zhezlova E. Dekabristy v Sibiri [Decembrists in Siberia]. Nauka i zhizn'=Science and life, 1995, no. 7, pp. 90-92. (In Russ.).
3. Merezhkovskii D.S. Dve tainy russkoi poezii: Nekrasov i Tyutchev [Two secrets of Russian poetry: Nekrasov and Tyutchev]. Merezhkovskii D.S. V tikhom omute [In a still whirlpool]. 1991. Moscow: "Sovetskii pisatel", pp. 443. (In Russ.).
4. Mishina G.V. Obrazotvorcheskaya triada: detstvo – priroda – khram v proizvedeniyakh N. A. Nekrasova : diss. kand. filol. nauk. Sterlitamak, 2007. 174 p. (In Russ.).
5. Popov-Tumat S.A. D'uon D'anyly. Semen Tumat. – 2-s togylyn eben tahaaryy. 2013. D'okuuskai:

Гаврильева Н.Г.

Н.А. Некрасов и литература коренных малочисленных народов России (перевод поэмы «Княгиня Трубецкая» на якутский язык)
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 61–67.

Gavrileva N.G.

N.A. Nekrasov and the Literature of the Small Indigenous Peoples of Russia (Translation of the Poem "Knyaginya Trubetskaya" into the Yakut Language)
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 61–67.

Bichik, pp. 9.

6. Popov-Tumat S.A. D'uon D'аnyly. Semen Tumat. – 2-s тогулун eben tahaaryy. 2013. D'okuuskai: Bichik, pp. 37.

7. Porkhunov G.A. Dekabristy v Sibiri: zhizn' i deyatel'nost' [Decembrists in Siberia: life and work]. Omskii nauchnyi vestnik=Omsk Scientific Bulletin, 2001, no. 15, pp. 24-27. Available at: https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/files/arhiv/2001/15%20pdf.pdf (Accessed 03.09.2021) (In Russ.).

8. Safronov F.G. Dekabristy v yakutskoi ssylke: k 130-letiyu so dnya vosstaniya dekabristov. 1955. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 80. (In Russ.).

9. Talylybyt khohoonnor, poemalar (Izbrannye stikhi i poemyy) / N.A. Nekrasov ; [aan tyl avt.], khomuida uonna red. I. Чабылҕан. 1948. Yakutskai: YaKGIZ, 101 p.

10. Toper P.M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya. 2001. Moscow: Nasledie, 254 p.

Информация об авторах

Гаврильева Надежда Гариевна, кандидат филологических наук, Российский Государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5729-7648>, e-mail: ngavrileva@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda G. Gavrileva, PhD in Philology, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5729-7648>, e-mail: ngavrileva@yandex.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 15.09.2021

Акцентировка современного звучания поэзии Н.А. Некрасова в процессе самостоятельной работы старшекласников

Выдрина Н.А.

Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет (ЗКИТУ), Уральск, Казахстан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3278-9678>, e-mail: piranessa@mail.ru

В статье предлагаются задания для организации самостоятельной работы старшекласников по осмыслению и эмоциональному освоению ими с позиций современности нравственной проблематики, языка и стиля поэзии Некрасова.

Ключевые слова: актуальность тематики, естественные интонации и разговорность языка, Некрасов и поэзия XX века.

Для цитаты: Выдрина Н.А. Акцентировка современного звучания поэзии Н.А. Некрасова в процессе самостоятельной работы старшекласников [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 68–74. DOI:10.17759/langt.2021080309

Accentuation of the Modern Sound of N.A. Nekrasov's Poetry in the Process of Independent Work of High School Students

Natalya A. Vydrina

West Kazakhstan Innovation and Technology University (WKITU), Uralsk, Kazakhstan,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3278-9678>, e-mail: piranessa@mail.ru

The article offers tasks for organizing independent work of high school students on comprehension and emotional development of moral issues, language and style of Nekrasov's poetry from the standpoint of modernity.

Keywords: the relevance of the topic, natural intonation and colloquial language, Nekrasov and poetry of the twentieth century.

For citation: Vydrina N.A. Accentuation of the Modern Sound of N.A. Nekrasov's Poetry in the Process of Independent Work of High School Students. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 68–74. DOI:10.17759/langt.2021080309 (In Russ.).

Поэзия Н.А. Некрасова традиционно изучалась в школе. Но, осваивая ее, ученики нередко полагают, что она представляет лишь исторический интерес, поэтому важно показать

школьникам, что некрасовское творчество и в XXI веке имеет современное звучание. Отнюдь не устарело и некрасовское обостренное восприятие народных страданий, и тема народной нравственности, и тема подвижничества во имя народного счастья.

Можно предложить десятиклассникам, используя их индивидуальную и групповую работу, в этом ракурсе, с позиций современности, осмыслить раскрытие указанных тем в произведениях Некрасова, что отразится в подготовленных школьниками сочинениях-эссе, рефератах, буктрейлерах и т.д. При этом десятиклассники замечают, что проблематика ряда стихотворений Н.А.Некрасова остается актуальной и даже злободневной в наши дни: мы находим, например, у поэта и тему, которую сейчас называют «экологической»: «где, бывало, леса вековые на огромных просторах шумят, там теперь пустыри бесконечные пеленою могильной лежат» [3, т.3, с.148]; и тему коррупции, с которой в настоящее время ведется активная борьба: «грош у новейших господ выше стыда и закона, нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона»[3, т.3, с.132].

Вторая половина 19 века – во многом предтеча нашего времени с его стремительным ритмом, многообразием человеческих типов, сложностью жизненных ситуаций, порождающих ряд проблем нравственного порядка. Лирика Некрасова отличается многогеройностью, вниманием поэта к судьбам людей разного социального положения, разных индивидуальных качеств. Освоение таких стихов – непростая задача для школьников, так как за объективной манерой повествования о жизненных историях надо увидеть авторскую оценку.

Полезным для учащихся в этом плане будет сопоставление двух значимых в творчестве поэта ранних стихотворений – «Огородник» и «В дороге».

В процессе сопоставительного анализа ученики замечают, что конкретные судьбы героев становятся частью народной судьбы: герои видят причины своих несчастий в социальном неравенстве. Но по своим человеческим качествам ямщик и огородник не похожи друг на друга. Ямщик косноязычен, не чуток, довольно примитивен. С таким мужем интеллигентная женщина особенно остро будет ощущать свое одиночество. У огородника возвышенное, в духе народной поэзии, представление о любви, а речь близка к народной песне. Возможно, в жизни возлюбленной огородника больше не будет встречи с подобным человеком. Такая ситуация сильнее подчеркивает трагизм положения героини.

В стихотворении «В дороге» намечается отход Некрасова от песенной традиции, в русле которой написано стихотворение «Огородник», в нем предстает живой рассказ конкретного крестьянина о своей жизни, что привлекло к стихотворению «В дороге» особое внимание читателей. Кроме ямщика, в стихотворении «В дороге» есть еще один герой, испытывающий ощущение неблагополучия, желающий отвлечься от своих невеселых мыслей. Казалось бы, «ямщик удалой» сможет это сделать. Однако жизненная история, которую услышал путник, предстала перед ним не в облагороженном виде народной песни, а в своей обыденной жестокости. Так у читателя возникает ощущение необходимости изменить, улучшить окружающую жизнь.

Подытоживая сопоставительный анализ стихотворений, ученики приходят к выводу о том, что причины зла, прежде всего, кроются в социальном неравенстве, но и личные качества человека в любом случае имеют очень большое значение.

Человек может стать жертвой обстоятельств, которые не только обрекают его на несчастливую судьбу, но и толкают на путь порока. Чего заслуживает такой человек –

сочувствия и помощи или осуждения? В своем творчестве Некрасов обращается и к этим вопросам.

«Чувство социальности» у Некрасова, по мнению Б.О.Кормана, значительно раздвинуло границы его лирики [1, с. 15]. Тема человеческих пороков: пьянства, воровства, проституции (стихотворения «Пьяница», «Вор», «Убогая и нарядная» и др) приобретает у него социальную трактовку. Предлагая школьникам самостоятельно выявить авторскую оценку в них, обращаем внимание на такой вид композиционной связи, как «точки зрения»:

1) Как относятся к героям стихотворений окружающие? А как относятся к ним и тем, кто их оценивает, автор? Как поэт подчеркивает типичность судьбы героев?

2) Оправдывает ли Некрасов сам порок, на путь которого вступили герои стихотворений?

Работая над указанными вопросами, десятиклассники замечают, что герои стихотворений вызывают со стороны окружающих отрицательное отношение. Автор во многом присоединяется к этой оценке: бесспорно, и пьяница, и вор, и женщина легкого поведения вряд ли вызовут положительные эмоции. Но автор исследует и то, как эти люди «дошли до жизни такой»: безысходность существования бедняка сделала пьяницей человека, судя по его речи, образованного, имевшего высокие цели в жизни и желание помочь близким. Девушка Саша в стихотворении «Убогая и нарядная» стала на порочный путь в силу обстоятельств, от нее не зависевших, она «нищеты и несчастья дочь». В стихотворении «Вор» говорится о человеке, укравшем хлеб из-за жестоких мук голода (об это свидетельствует такая деталь: «закушенный калач»). Этот человек, судя по одежде и целой гамме чувств, находящих свое отражение на его лице, не относится к простонародью. Но, по-видимому, ему пришлось испытать много страданий: возможно, из-за болезни он потерял место на службе, а вместе с тем и свое жалованье.

В стихотворении «Вор» особенно ошутимо и авторское отношение к тем, кто избобличал и ловил «преступника». Торговец, у которого был украден калач, назван уничижительно «торгаш». Описание его поведения тоже вызывает неприятное чувство к нему: он «поднял вой и плач», как будто произошло нечто непоправимое. Городовой и его помощник отменно строго говорили с несчастным и «торжественно» повели его в квартал как человека, совершившего серьезнейшее противозаконное действие. Даже вполне равнодушный к происходящему на улице рассказчик находит эту сцену «безобразной».

В стихотворении «Убогая и нарядная» окружающие считают зазорным даже находиться рядом с Сашей, но не гнушаются другой женщиной, вошедшей в моду и торгующей собой «без нужды», «по призыву». Роскошь ее нарядов и бриллианты, даже ее цинизм и бесстыдство, вызывают восхищение в свете. Автор же по отношению к ней испытывает гнев, возмущение – ведь для этой женщины нет ничего святого, она успешно торгует даже чувством матери. Отрицательное отношение у Некрасова проявляется и к людям, испытывающим восторг от бездушной красавицы, – это праздные и глупые люди, получившие богатое наследство. Люди же обездоленные, подчеркивает поэт, оказываются в некоем жизненном тупике: бедняку к пороку, по словам героя стихотворения «Пьяница», открыта «торная», то есть освоенная предыдущими людьми, «протоптанная» дорога; рассказ о тяжелом детстве Саши из стихотворения «Убогая и нарядная» не «нов», то есть вполне типичен для девушек с подобной судьбой.

В стихотворении же «Вор» показано, что не только бедный человек может очутиться в положении героя, но и любой человек в силу создавшихся обстоятельств. «Благополучный»

рассказчик как бы примерил такую ситуацию на себя: «И Богу поспешил молебствие принести за то, что у меня наследственное есть» [3, т. 1, с.126]. При этом, сочувствуя указанным героям, автор отнюдь не оправдывает сам порок. Он и сочувствует им в силу того, что они в отличие от «модной» красавицы в стихотворении «Убогая и нарядная» к пороку не склонны, не испытывают от этого удовлетворения, а чувствуют лишь стыд, как герой стихотворения «Вор».

Обращаем внимание на выявление авторской оценки и в других стихотворениях Некрасова, где, казалось бы, передаются конкретные житейские истории, но за объективностью их изложения, естественно, надо увидеть, как все это оценивает поэт, каков его нравственный идеал. С этой целью можно, например, обратиться к стихотворениям «Маша», «Княгиня», в которых очень емко воссоздается не одномоментное событие, а, по сути дела, вся жизнь человека. Предлагаем школьникам следующие вопросы по этим стихотворениям:

1) Какими принципами руководствуется в жизни герой стихотворения «Маша»? Как он относится к своей жене?

2) Какой образ жизни ведет Маша, чего ждет от мужа и ценит ли его любовь?

3) Какой трагедией для семьи может обернуться бездумное и легкомысленное отношение Маши к жизни с оглядкой на мнение окружающих, любыми путями стремящихся к богатству и успеху?

4) В этом стихотворении несколькими штрихами намечается иной облик жены – надежной подруги честного и любящего труженика. Какими же качествами, по мнению поэта, она должна обладать?

5) Что вы узнали из стихотворения «Княгиня» о судьбе главной его героини? Как автор оценивает итог ее жизни? Какую память она о себе оставила?

В процессе работы над этими вопросами школьники начинают понимать, что праздность, легковесность, неумение ценить истинную любовь приведут героиню стихотворения «Маша» к жизненному краху, как и героиню стихотворения «Княгиня», у которой, казалось бы, было все, о чем можно мечтать: «красота, богатство, знатность и свобода». В молодости княгиня блистала в свете, равнодушно разбивала сердца, но никого не любила. На закате жизни ею овладела страсть к человеку совершенно недостойному, который ее разорил. В стихотворении упоминается и о русских селеньях, принадлежащих княгине, и о ее доме с гербами, доверху наполненном бедными жильцами, и о голяке - потомке – все это не волновало княгиню, думавшую только о своих прихотях. Она и сама умерла в нищете. Жизнь героини была пустой и бессодержательной: «И одна осталась память: что с отличным вкусом одевалась!» [3, т.1,263].

Личностному освоению стихотворений Некрасова будет способствовать и особая эмоциональность их восприятия учащимися, добиться которой могут помочь, например, следующие задания:

1) В чем, по вашему, смысл строк из стихотворения Н.А.Некрасова «Н.Г.Чернышевский (Пророк)»: «Его еще покамест не распяли, но час придет – он будет на кресте; его послал бог Гнева и Печали рабам земли напомнить о Христе»? [3, т.2., с. 313]. Востребована ли такая личность в наше время?

2) Какое из стихотворений Н.А.Некрасова о любви в наибольшей степени затронуло ваши чувства?

3) Почему стихотворение «Внимая ужасам войны» пронзительностью своего звучания близко и современному читателю?

4) Как выражается в стихотворении «Современная ода» нравственный идеал поэта? Прочитайте предпоследнюю строфу стихотворения, передавая иронию автора по отношению к герою («не спрошу я, откуда явилось, что теперь в сундуках твоих есть; знаю: с неба к тебе все свалилось за твою добродетель и честь!») [3, т.1, с.73]

5) Некрасов, предвосхищая достижения поэтов 20 века, чутко улавливал «разнообразие голосов» сложной и быстро меняющейся действительности. К. Чуковский писал о том, что он «мог создать на протяжении каких-либо нескольких месяцев столь различные по стилю произведения поэзии, как «Рыцарь на час», «Дума», «Первый шаг в Европу», «Гимн времени», «На Волге», «Литературная травля» и «Что подделывает наша внутренняя гласность» [3,с.221]. Прочитайте перечисленные Чуковским произведения Некрасова вслух. В чем их отличие друг от друга по звучанию?

6) Обратите внимание на то, что в ряде стихотворений Некрасов употреблял разговорные слова: «Ничего! Гони во все лопатки, труден путь, да легок конь, дожигай последние остатки жизни, брошенной в огонь» [3, т.1, 182], « О Муза! Наша песня спета, приди, закрой глаза поэта на вечный сон небытия, сестра народа и моя!» [3, т.2, с.335]. Как влияет эта особенность лирики Некрасова на ваше восприятие его стихотворений? Кажется ли вам близкой их поэтическая интонация?

Ознакомление школьников с многообразной палитрой поэтического творчества Некрасова поможет им почувствовать преемственную связь между Некрасовым и поэтами 20 века, которая проявляется не только в проблематике, но и в особенностях стиля и ритма стиха. Им может быть предложена, например, следующая подборка стихотворений:

*Дни идут...все так же воздух душен,
Дряхлый мир – на роковом пути...
Человек – до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!*
(«Дни идут... все так же воздух душен...») [3, т 2, с. 343]

*Мысль – «Центрального дома терпимости»,
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам.*
(«Современники. Герои времени») [3, т. 3, 102]

*Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слышал про свободу?»*
(«Деревенские новости») [3, т.1.:, с.355]

*У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.*

*Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один –
Но дом пятиэтажный.
(«Прекрасная партия») [3, т. 1, с. 153]*

*Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесютом,
В просвещенном и богатом,
Вельможа, именем – Кисель.
(«Притча о «Киселе») [3, т. 2, с.231]*

Сравнивая предложенные им тексты, ученики замечают, что Некрасов в ряде своих произведений предвосхищает содержание и поэтическую интонацию А.А. Блока, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, В.С. Высоцкого. Можно предложить школьникам обратиться и к источникам, в которых говорится о том, как стихи Н.А.Некрасова применяли в той или иной конкретной бытовой ситуации известные поэты 20 века. По словам К. Чуковского, В. Маяковский «во время какого-то диспута... сказал своим крикливым оппонентам, которых ему в конце концов удалось одолеть:

Весело бить вас, медведи почтенные (Некрасов)» [5, с.330].

По свидетельству А. Наймана, А.А. Ахматова, ища куда-то запропастившуюся сумочку, процитировала строку из некрасовского стихотворения «Влас», «переменив некрасовскую интонацию: «Кто снимал рубашку с пахаря? Крал у нишего суму?...»[3, с. 196].

Восприятие Н.А. Некрасова через художников более близкой школьникам поры повышает их интерес к поэту 19 века. Такую работу целесообразно предложить в выпускном классе при повторении тем, изученных ранее.

Литература

1. *Корман Б.О.* Лирика Некрасова. 1978. Ижевск: Удмуртия, 297 с.
2. *Найман А.Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. 1989. М.: Художественная литература, 300 с.
3. *Некрасов Н.А.* Сочинения. Вступит. статья Г.Г. Елизаветиной. Прим. К.И. Чуковского при участии А.М. Гаркави. В 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1843 –1860. 1978. М.: Худож. лит., 416 с.
4. *Некрасов Н.А.* Сочинения. Вступит. статья Г.Г. Елизаветиной. Прим. К.И. Чуковского при участии А.М.Гаркави. В 3 т. Т.2: Стихотворения и поэмы 1861–1877. 1978. М.: Худож. лит., 446 с.
5. *Некрасов Н.А.* Сочинения. Вступит. статья Г.Г. Елизаветиной. Прим. К.И. Чуковского при участии А.М.Гаркави. В 3 т. Т. 3: Поэмы 1863 –1877. 1978. М.: Худож. лит., 447 с.
6. *Чуковский К.И.* Мастерство Некрасова. 1955. М.: Худож. лит., 687 с.
7. *Чуковский К.И.* Современники. 1967. М.: Молодая гвардия, 590 с.

References

1. *Korman B.O.* Lirika Nekrasova. 1978. Izhevsk: Udmurtiya, 297 p. (In Russ.).
2. *Naiman A.G.* Rassказы o Anne Akhmatovoi. 1989. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 300 p. (In

Выдрина Н.А.
Акцентировка современного звучания поэзии
Н.А.Некрасова в процессе самостоятельной работы
старшеклассников
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 68–74.

Vydrina N.A.
Accentuation of the Modern Sound of N.A. Nekrasov's
Poetry in the Process of Independent Work of High
School Students
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 68–74.

Russ.).

3. Nekrasov N.A. Sochineniya. Vstupit. stat'ya G.G. Elizavetinoi. Prim. K.I. Chukovskogo pri uchastii A.M.Garkavi. V Z t. T. 1: Stikhotvoreniya i poemu 1843 –1860. 1978. Moscow: Khudozh. lit., 416 p. (In Russ.).

4. Nekrasov N.A. Sochineniya. Vstupit. stat'ya G.G. Elizavetinoi. Prim. K.I. Chukovskogo pri uchastii A.M.Garkavi. V Z t. T.2: Stikhotvoreniya i poemu 1861–1877. 1978. Moscow: Khudozh. lit., 446 p. (In Russ.).

5. Nekrasov N.A. Sochineniya. Vstupit. stat'ya G.G. Elizavetinoi. Prim. K.I. Chukovskogo pri uchastii A.M.Garkavi. V Z t. T. 3: Poemy 1863 –1877. 1978. Moscow: Khudozh. lit., 447 p. (In Russ.).

6. Chukovskii K.I. Masterstvo Nekrasova. 1955. Moscow: Khudozh. lit., 687 p. (In Russ.).

7. Chukovskii K.I. Sovremenniki. 1967. Moscow: Molodaya gvardiya, 590 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Выдрина Наталья Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии, культуры и методики преподавания, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет (ЗКИТУ), г.Уральск, Республика Казахстан, ORCID: [https:// orsid org/0000–0003–3278–9678](https://orcid.org/0000-0003-3278-9678), e-mail: piranessa@mail.ru

Information about the authors

Natalya A. Vydrina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philology, Culture and Teaching Methods, West Kazakhstan Innovation and Technological University (WKITU), Uralsk, Republic of Kazakhstan, ORCID: [https:// orsid org/0000–0003–3278–9678](https://orcid.org/0000-0003-3278-9678), e-mail: piranessa@mail.ru

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021

Первое комплексное исследование танатологического дискурса русской словесности

Сукина Л.Б.

Институт программных систем им. А.К.Айламазяна Российской академии наук (ИПС РАН),
г. Переславль-Залесский, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7692-2085>, e-mail: lbsukina@gmail.com

Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв.», подготовленную известными специалистами в сфере отечественной литературы В.А. Воропаевым, И.В. Дергачевой, Е.Л. Конявской и В.В. Мильковым. В рецензируемом издании опубликованы результаты комплексного исследования представлений о смерти и посмертном бытии по данным древнерусских памятников письменности и наиболее значительных произведений русской художественной литературы XVIII–XXI вв. По мысли авторов книги, основой литературной танатологии в русской культуре было христианское вероучение. Но она впитала в себя и элементы автохтонных дохристианских воззрений на загробную жизнь и внешние импульсы, поступавшие в процессе межкультурной коммуникации с Византией и странами Европы.

Ключевые слова: комплексное исследование, танатологическая тема, древнерусская книжная культура, русская классическая литература, современная российская литература.

Для цитаты: Сукина Л.Б. Первое комплексное исследование танатологического дискурса русской словесности [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 75–80. DOI:10.17759/langt.2021080310

The First Comprehensive Study of the Thanatological Discourse of Russian Literature

Liudmila B. Sukina

The Program Systems Institute of RAS, Perslavl-Zalessky, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7692-2085>, e-mail: lbsukina@gmail.com

The article is a review of the collective monograph "Thanatological Theme in Russian Literature of the 11th-21th centuries", prepared by well-known experts in the field of Russian literature V.A. Voropaev, I.V. Dergacheva, E.L. Konyavskaya and V.V. Milkov. The peer-reviewed book publishes the results of a comprehensive study of ideas about death and posthumous life based on data from Old Russian written monuments and the most significant works of Russian fiction of the 18th-21th

centuries. According to the authors of the book, the basis of literary thanatology in Russian culture was the Christian doctrine. But it also absorbed elements of autochthonous pre-Christian views on the afterlife and external impulses that came in the process of intercultural communication with Byzantium and the countries of Europe.

Keywords: comprehensive study, thanatological theme, ancient Russian book culture, Russian classical literature, modern Russian literature.

For citation: Sukina L.B. The First Comprehensive Study of the Thanatological Discourse of Russian Literature. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 75–80. DOI:10.17759/langt.2021080310 (In Russ.).

Актуальный для современной мировой гуманитарной мысли танатологический дискурс, основная проблематика которого была суммирована в известной работе Ф. Арьеса [1], отечественная гуманитаристика начала вновь осваивать с 1990-х гг. [3] За три последних десятилетия в этой области были достигнуты заметные успехи, смерть как важный феномен бытия человека и общества стала предметом многих исследований российских философов, психологов, историков, культурологов, искусствоведов.

В русской культуре танатологическая тема наиболее ярко представлена в литературных текстах, создающихся с первых веков после принятия христианства до наших дней. Поэтому совершенно закономерно, что первое комплексное исследование воззрений на смерть и посмертное бытие выполнено выдающимися специалистами в сфере древнерусской книжности и литературы Нового времени В.А. Воропаевым, И.В. Дергачевой, Е.Л. Конявской и В.В. Мильковым. Его результаты, недавно опубликованные в виде коллективного труда «Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв.» [2], мы и попробуем проанализировать.

Выбор авторами исследования очень широкого хронологического горизонта научного поиска методологически оправдан двумя обстоятельствами: наличием общей культурной парадигмы русской литературы в виде христианского вероучения и ограниченным, в отношении видового разнообразия, кругом источников текстов заявленной проблематики. Во введении к своему труду исследователи подчеркивают, что фонд произведений танатологической тематики довольно обширен, но мало изучен. В связи с тем, что большинство из текстов древнерусского времени хранится в архивах и библиотеках в рукописном виде, существенная часть из них пока еще не представлена в опубликованной работе, и их перспективная разработка только намечена [2, с.11-12]. Определенные сложности создает и то обстоятельство, что изучаемый авторским коллективом «танатологический комплекс» состоит из жанрово неоднородных произведений, включающий как характерные для средневековья летописные памятники, агиографические сочинения, актовые источники, апокрифы и переводы текстов иностранного происхождения, так и большой пласт русской литературы XVIII–XXI вв., создававшихся на национальной культурной почве, но в русле общеевропейских литературных стилей и тенденций. И все же, на наш взгляд, на имеющемся в их распоряжении материале у авторов коллективной монографии получилось выстроить целостную и логически непротиворечивую картину исторического развития танатологической темы, выделить наиболее важные для его понимания жанровые комплексы, смысловые и сюжетные линии, охарактеризовать

внутрижанровые образно-символические системы. Очень удачной кажется и идея рассматривать русскую словесность в контексте межкультурной коммуникации, поскольку она первоначально формировалась в рамках книжной культуры Византийского мира, а с середины XVII в. в тесных контактах с западной литературной традицией, трансфер которой осуществлялся сначала через сопредельные, а потом, с включением России в орбиту европейского Просвещения, развитием политических и дипломатических связей, и более отдаленные страны.

Образ смерти и развернутые представления о переходе души в иной мир и о справедливом воздаянии в инобытии за грехи и нравственные подвиги стали играть большую роль как в западноевропейской, так и в русской средневековой культуре с приходом христианства. Время существования древнерусской книжности принято отмерять с начала XI по конец XVII в. За этот период было как вновь создано, так и переведено с других языков огромное количество разнообразных текстов, многие из которых в той или иной форме содержали краткие упоминания или развернутые суждения на тему смертной участи и посмертной судьбы человечества в целом («большая эсхатология») и каждого человека в отдельности («малая эсхатология»). Не случайно чуть более половины объема рассматриваемой нами книги отведено древнерусской проблематике.

Теоретический модус «средневековой части» монографии задает раздел, написанный недавно ушедшим от нас В.В. Мильковым. Концепция инобытия праведного христианина, существовавшая в различных вариантах в древнерусской книжности, здесь рассмотрена в широком и жанрово разнообразном контексте византийской экзегетики, переводов хронографов и повестей, апокрифических сочинений. В центре внимания В.В. Милькова были представления книжников о Рае, а это целая палитра образов, различающихся сложностью конструкции, толкованием качеств «тленности» и «нетленности», «географией» местоположения, нюансами внешнего облика и другими деталями. Нельзя не согласиться с общим выводом В.В. Милькова, что образ Рая в каждом отдельном случае соответствовал условиям местной социальной и культурной среды, в которой существовал конкретный книжник, или «идейным потребностям», влиявшим на выбор модели описания, поэтому «разные версии рая, о которых можно судить по материалам древнерусской книжности, относятся к разным направлениям отечественной средневековой мысли» [2, с.103]. Важным для исследования танатологической темы в русской словесности и в культуре в целом являются и наблюдения ученого, показывающие, что в текстах, имевших хождение в древнерусской книжности описания Рая и пути к нему носят умозрительный характер, в отличие, например, от распространенных в средневековой Европе рассказов о посещении чистилища, вход в которое находился в некоем реальном месте, сопровождавшихся натурными подробностями путешествия в иной мир [7].

Второй раздел, посвященный тематике посмертного спасения и наказания в древнерусской литературе, написан И.В. Дергачевой, автором нескольких монографий о литературных предисловиях к русским средневековым Синодикам – книгам, предназначенным для церковной коммеморации умерших. Для раскрытия основных аспектов проблемы она вновь привлекает хорошо известный ей материал синодичных предисловий и важнейший для формирования эсхатологических воззрений русского православия текст «Жития Василия Нового», который является ярким примером усвоения древнерусской культурой греческой эсхатологии, агиографии, апокрифической традиции. В

нем мы видим набор устойчивых топосов иного мира, которые не только легли в основу литературных конструкций древнерусских книжников, но и воспроизводятся в русской литературе до настоящего времени, остаются актуальными для целей религиозного просвещения в Церкви. В данном исследовании И.В.Дергачевой не только еще раз дополнительно аргументированы рассуждения и выводы, с которыми специалисты уже отчасти знакомы по ее предыдущим публикациям. Новым поворотом в изучении проблемы стало привлечение документальных источников, связанных с монастырскими практиками устроения души: вкладных книг, дарственных, данных и духовных грамот. Это позволило показать, как укоренившиеся в коллективном сознании русского средневекового социума танатологические представления мотивировали благочестивое поведение и поступки людей. Данный подход созвучен нашим собственным опытам изучения вкладных книг как составной части коммеморационных комплексов, зафиксировавших социальный и духовный опыт заботы о душе [6, с.77-82]. Хотелось добавить, что материал этого раздела наводит и на размышления о некоем сходстве «состояния умов» в период позднего Средневековья в Русском государстве и в Западной Европе, где, по утверждению Й. Хейзинги [8, с. 149-163], мысли о смерти и образы смертных мук буквально пронизывали культуру всех слоев общества.

Танатологические мотивы древнерусской литературы более раннего времени рассматривает в своей части монографии известный исследователь летописания и агиографии, автор многих работ по истории русских княжеств и источниковедению, одна из создателей комплексного подхода к изучению культуры Древней Руси Е.Л. Конявская. В летописных статьях, княжеских грамотах, Киево-Печерском патерике, сборниках житий ей удалось буквально по крупицам собрать и проанализировать очень важный для понимания существа культуры той далекой эпохи материал, позволяющий дать убедительную реконструкцию представлений современников о смертной судьбе князя, церковного иерарха или святого подвижника, о возможностях спасения души в монастыре и в миру. Очень важно для развития исследований танатологической составляющей древнерусской ментальности, что Е.Л. Конявская вводит в круг источников ее изучения княжеские докончальные (договорные) грамоты, в которых тема смерти и посмертного воздаяния не была основной. При этом, как она справедливо отмечает, в этих грамотах зафиксирована «ментальная повседневность» светской элиты того времени. Их материал показывает, что, и не транслируя богословских идей о посмертной судьбе души, «князья заботились о благополучии своих потомков, стремясь при смертности каждого сохранить бессмертие рода» [2, с.214]. Думается, найденный и успешно апробированный Е.Л. Конявской метод изучения договорных грамот можно экстраполировать и на исследования актового материала и других документальных источников более позднего времени.

Ядром второй части монографии, где рассматривается танатологический дискурс русской литературы Нового времени и новейшей отечественной беллетристики, является исследование В.А. Воропаева, научные интересы которого, в основном, сосредоточены на биографии и творчестве Н.В.Гоголя. Анализ эсхатологии Гоголя в отведенном ему разделе дан с почти исчерпывающей полнотой. Подтверждением вывода автора, что только в свете церковного мировоззрения великого писателя «становится понятным его поведение в предсмертные дни» [2, с. 302], стал подробный и детальный разбор обстоятельств его кончины и судьбы его духовного завещания потомкам. Особый интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя представляет научно-критический анализ записок

доктора А.Т. Тарасенко о последних днях Н.В. Гоголя, выведенный В.А. Воропаевым в специальное Приложение.

Остальные разделы этой части монографии написаны И.В. Дергачевой, которая в последние годы успешно совмещает занятия древнерусскими текстами эсхатологического содержания с исследованиями в области классической и современной русской и мировой литературы, в особенности, творчества Ф.М. Достоевского [4]. Ею вскрыты и проанализированы танатологические мотивы в произведениях литераторов конца XVIII – начала XIX в. Г.Р. Державина и В.Ф. Одоевского. Конечно же, не обойдена вниманием тема смерти и воскресения в великой прозе Ф.М. Достоевского. Особой актуальностью для нашего времени отличается раздел, посвященный рецепции танатологического дискурса в произведениях писателей XX-XXI вв. М.А. Булгакова, Е.Г. Водолазкина, Л.Е. Улицкой, Л.С. Петрушевской.

Важная и ценная часть коллективной монографии - материалы к каталогу произведений танатологической тематики, подобранные И.В. Дергачевой и Е.Л. Конявской. Они свидетельствуют о намерении участников проекта продолжать исследования в избранном направлении и дают идеи для работы других ученых, интересующихся данной проблематикой. При этом следует отметить, что близкий проект был реализован группой исследователей из Института филологии Сибирского отделения РАН, издавшей в 2018 г. словарь-указатель «Мортальные сюжеты и мотивы в русской литературе XI-XVII веков» [5]. Сам по себе этот факт еще раз подчеркивает актуальность темы рецензируемой монографии.

Прекрасным дополнением текста книги также является вклейка с цветными иллюстрациями, воспроизводящими миниатюры на танатологические сюжеты из лицевых рукописей «Видения преподобной Феодоры» и Синодиков XVII в. Жаль, что подобным визуальным рядом не удалось сопроводить вторую часть монографии, посвященную русской литературе XVIII-XXI вв.

В целом, исследования, составившие коллективную монографию «Танатологическая тема в русской словесности XI-XXI вв.», дают широкую панораму развития представлений о смерти в русской культуре на основе христианского вероучения и его рецепции в художественном слове от книжности Древней Руси до новейших литературных исканий современности. Думается, что эта публикация займет достойное место в корпусе научных исследований историко-культурной проблематики, касающихся вопросов духовного бытия человека и общества.

Литература

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. 1992. М.: Прогресс-Академия, 526 с.
2. Воропаев В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.Л., Мильков В.В. Танатологическая тема в русской словесности XI-XXI вв. 2021. М.: Индрик, 464 с.
3. Демичев А.В. Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию. 1997. СПб.: ИНАПРЕСС, 144 с.
4. Дергачева И.В. и др. Достоевский и Италия. 2021. СПб.: Алетейя, 454 с.
5. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Авт.-сост., вступ. ст., коммент. С.К. Севастьянова, Е.Э. Худницкая. Вып.4, ч.1: Мортальные сюжеты и мотивы в русской литературе XI-XVII веков. 2018. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 503 с.
6. Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории

Московского государства (XVI-XVII вв.). 2021. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 359 с.

7. Харман Д.Д. Чистилище святого Патрика – и другие легенды средневековой Ирландии. 2020. М.: АСТ, 320 с.

8. Хейзинга Й. Осень Средневековья. 1988. М.: Наука, 540 с.

References

1. Ariès F. Chelovek pered licom smerti [L’Homme devant la mort]. 1992. Moscow: Progress-Akademija, 526 p. (In Russ.).
2. Voropaev V.A., Dergacheva I.V., Konjavskaja E.L., Mil'kov V.V. Tanatologicheskaja tema v russkoj slovesnosti XI-XXI vv. 2021. Moscow: Indrik, 464 p. (In Russ.).
3. Demichev A.V. Diskursy smerti: Vvedenie v filosofskuju tanatologiju. 1997. Saint Peterburg: INAPRESS, 144 p. (In Russ.).
4. Dergacheva I.V. i dr. Dostoevskij i Italija. 2021. Saint Peterburg: Aletejja, 454 p. (In Russ.).
5. Slovar'-ukazatel' sjuzhetov i motivov russkoj literatury: Jeksperimental'noe izdanie / Avt. -sost., vstup. st., komment. S.K. Sevast'janova, E.Je. Hudnickaja. V.4, p. 1: Mortal'nye sjuzhety i motivy v russkoj literature XI-XVII vekov. 2018. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 503 p. (In Russ.).
6. Sukina L.B. Pozdnjaja osen' russkogo Srednevekov'ja. Oчерki kul'turnoj istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI-XVII vv.). 2021. Moscow-Saint Peterburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 359 p. (In Russ.).
7. Harman D.D. Chistilishhe svjatogo Patrika – i drugie legendy srednevekovoj Irlandii. 2020. Moscow: AST, 320 p. (In Russ.).
8. Huizinga J. Osen' Srednevekov'ja [Herfsttij der Middeleeuwen]. 1988. Moscow: Nauka, 540 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна Российской академии наук (ИПС РАН), г. Переславль-Залесский, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7692-2085>, e-mail: lbsukina@gmail.com

Information about the author

Liudmila B. Sukina, D of Sc in History, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Training of Highly Qualified Personnel, The Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7692-2085>, e-mail: lbsukina@gmail.com

Получена 01.09.2021
Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021
Accepted 15.09.2021